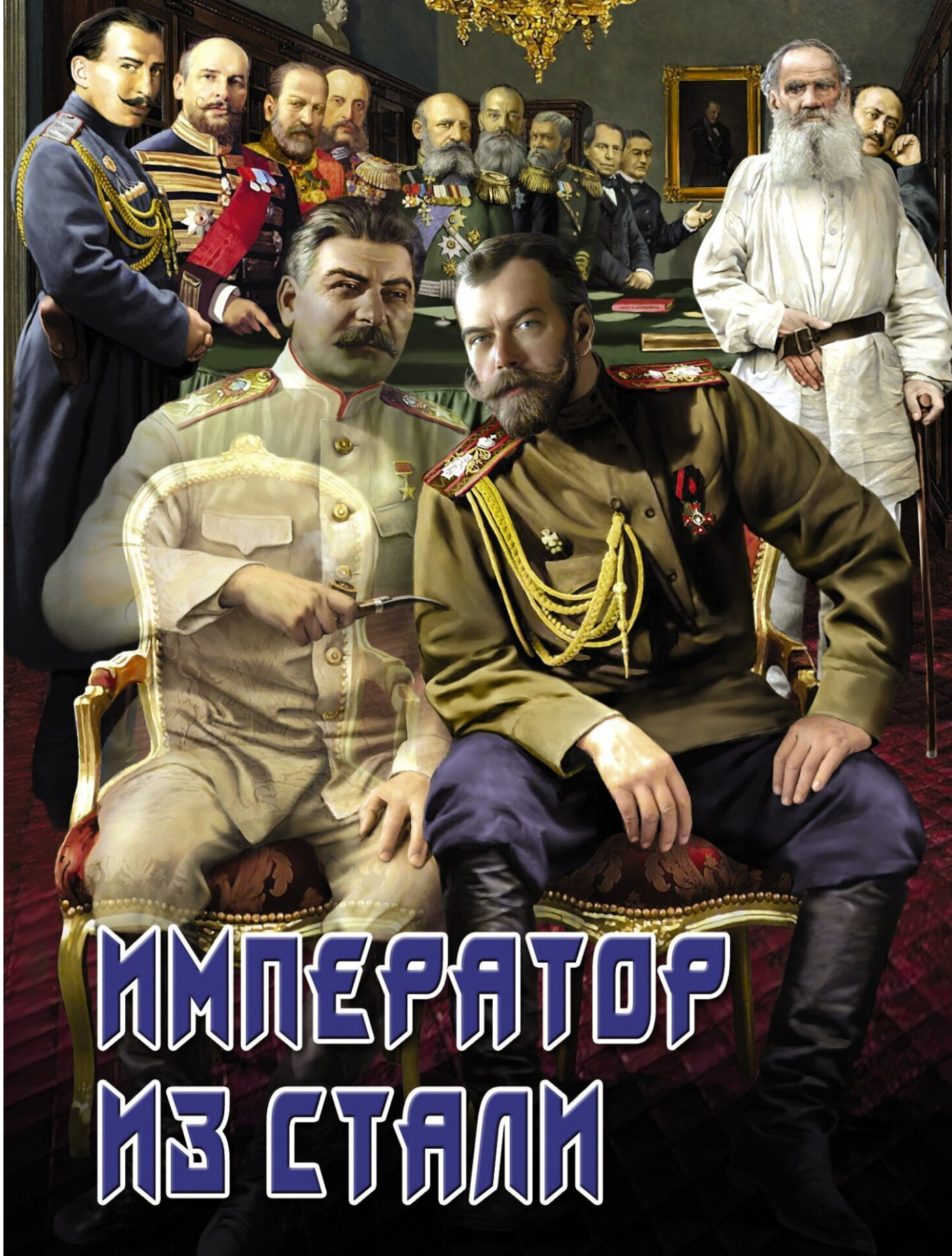

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

ИМПЕРАТОР
ИЗ СТАЛИ

Боевая фантастика (АСТ)

Сергей Васильев

**Император из стали: Император
и Сталин. Император из стали**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Васильев С. А.

Император из стали: Император и Сталин. Император из стали
/ С. А. Васильев — «Издательство АСТ», 2020 — (Боевая
фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-137058-9

Умиравший Вождь перенесся в начало XX века в тело внезапно тяжело заболевшего Николая Александровича... Как поведет он себя в окружении тех, с кем в свое время боролся? Получится ли исправить собственные ошибки? Успеет ли спасти Россию, несмотря на лавину покушений на его жизнь тех, кто безнаказанно разворовывал богатства страны?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-137058-9

© Васильев С. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Император и Сталин	6
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Александрович Васильев

Император из стали

© Сергей Васильев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Император и Сталин

Удивляешься, как быстро проходит день. А потом понимаешь, что это был не день, а жизнь.

Март 1953 года

На мягком ковре, глушащем шаги, в просторной, слабо освещённой, а потому зловещей на вид комнате умирал Великий Человек. Умирал медленно и мучительно. Яд, всасываясь в стенки желудка, куда он попал вместе с лёгким вином маджари, не спеша проникал в каждую клеточку головного мозга и, бесследно разлагаясь, неторопливо блокировал центры жизнедеятельности – обоняние, зрение, движение – и сейчас подбирался к дыханию.

Человеку было страшно и тоскливо. Страшно от подступающего к горлу удушья и тоскливо от собственной беспомощности. Бренность земного величия острее всего ощущается при наличии оногo... И тогда что толку от неограниченной власти над другими людьми, если отказывается подчиняться собственное тело, от твоего слова, повинувшись которому идут на смерть, если не можешь это слово ни произнести, ни написать?

Но, кроме тоски и страха, была ещё дикая досада. Он проиграл! Он опять проиграл! Третий раз подряд! ОНИ опять оказались сильнее, хитрее и предусмотрительнее. Это была его третья попытка отстранить от власти партноменклатуру, а в результате партноменклатура отстранила его самого. Отстранила старым, как мир, византийским способом.

Его первое сражение с соратниками по революции 1917-го состоялось через два года после смерти Ленина, когда окончательно стало ясно – профессиональные революционеры, всю жизнь свою положившие на разрушение самодержавия, ни на что другое не способны. Во всяком случае, учиться и строить они не желали категорически. Зато их способностей хватало для того, чтобы собачиться по любому поводу и обеспечивать собственное аристократическое существование. В конце своей жизни Ленин сам это заметил, ругал свою же «гвардию», обзывая её советской буржуазией – совбурами – и упрекая в комчванстве.

Тогда он договорился с партией о размене. Они отдадут ему «на съедение» главных революционных вождей, ставших тормозом мирной жизни – Троцкого, Каменева, Зиновьева, и обещают поправить остальных, включив наконец их в работу по восстановлению страны, разрушенной гражданской войной и смелыми социальными экспериментами. Он поверил товарищам по партии и не угадал. И хотя всю «святую троицу» выперли из руководства, а Троцкого – вообще из страны, товарищи-революционеры занялись не борьбой с разрухой и бедностью, а тем, что они умели делать лучше всего – начали готовить новый государственный переворот.

Всю мощь хорошо законспирированного подполья он ощутил в 1936-м, когда провёл через Верховный Совет новую Конституцию – самую демократичную на тот момент во всём мире: всеобщее избирательное право, прямые равные тайные и обязательно альтернативные выборы. Партийные вельможи ответили на это покушение на их власть физическим уничтожением потенциальных конкурентов, за которых мог проголосовать народ. Он потерял тогда преданных ему Я.А. Яковлева, А.И. Стецкого, Б.М. Таля и тысячи простых честных людей, вся вина которых была только в том, что они могли составить конкуренцию на выборах партийным баронам или просто могли неправильно проголосовать. Ответными репрессиями по штабам, как ему казалось, он сломал хребет заговорщикам. К сожалению, это только казалось...

С 1939 года – со времени официального перемирия – ни он партию, ни партия его больше не трогали. Никакие съезды и конференции не проводились, и он думал, что партия уже окончательно превратилась в общественную мемориально-историческую контору. Поэтому решил в 1952 году вывести её из власти окончательно, упразднив Политбюро и ликвидировав единоначалие. Оставался последний шаг – созвать партконференцию и официально подать на ней

в отставку, после чего партия лишится главного символа, а вместе с ним – главного рычага власти.

Он всё точно рассчитал. До мелочей. Даже сел на конференции отдельно от всех остальных партийных функционеров, надев свой старый полувоенный френч, который выглядел на фоне их гражданских костюмов абсолютно чужеродным элементом... Не учёл одного: теперь у партийных аристократов оставался единственный выход из положения – он обязан был умереть на посту Вождя партии. В случае такой смерти его преемник на посту секретаря ЦК в глазах людей автоматически становился Вождём страны... Не просчитав этого, он проиграл...

И это чувство проигрыша было особенно невыносимо. Он не добавил самую малость и пропустил встречный контрудар, думая, что игра уже сделана. А сегодня ночью, когда стало плохо, когда он не дошёл всего два шага до рабочего стола, не дотянулся какой-то пяди до тревожного звонка вызова охраны, предпринимать что-либо было уже слишком поздно. И вот теперь он вынужден лежать в луже собственной мочи и медленно задыхаться... Как же это всё неправильно и несправедливо...

– А зачем? – вдруг невероятно ярко вспыхнула в воспалённом мозгу мысль. Она была настолько ясная и отчётливая, а главное – не его собственная, будто кто-то чужой занёс её прямо в голову, минуя уши. Вспыхнула и рассыпалась на мельчайшие искорки-пояснения: – Зачем тебе всё это? Ты и так уже сделал больше, чем все правители этой земли, вместе взятые. Может быть, стоит хоть один раз не плыть против течения, а заняться более интересными и глобальными делами?

Человек застыл, прислушиваясь... Нет, в комнате никого. Он бы почувствовал это своим особым, звериным, чутьём привыкшего к постоянной опасности хищника. Бред! Бред больного воображения, точнее, отравленного... Какими такими интересными и глобальными делами он может ещё заняться? Червяков кормить?..

– Кстати о червяках, – будто шрапнелью взорвался мозг в следующую секунду. – Почему такое пренебрежение? Они – незаменимая составляющая часть биоценоза. Лучше бы оценил красоту мироздания, где нет ни единой лишней и бесполезной детали!.. Всё имеет смысл и всё находит своё уникальное применение... Даже смерть...

– Кто здесь?! – попытался закричать человек, однако изо рта вырвался еле слышный хрип...

– Спокойно, только спокойно... – эти слова уже не взорвали мозг, как граната, а стремительно выросли, как цветы из семян, будто заполнив собой всю черепную коробку. – Не пытайся что-то говорить, просто думай, наш разговор происходит на других физических принципах, нежели примитивное колебание воздушного пространства... Вот сейчас тебе станет легче... Чувствуешь?..

– Чувствую... Что ты сделал? Кто ты?

– Я не делал ничего. Ты просто впал в кому и стал чуть-чуть ближе ко мне... Поэтому нейронные связи твоего мозга не так активно сопротивляются моему воздействию, и ты не испытываешь такого дискомфорта... Сейчас я просто твой внутренний голос, но если тебе больше нравится персонификация, зови меня Айтон.

– Какой Айтон? Здесь не может быть... не должно быть никаких Айтонов! Три кольца оцепления. Охрана. Сигнализация. Бред! Это всё горячечный бред... Кислородное голодание... Мозг хулиганит... Надо успокоиться... Вздохнуть поглубже... Ближе я стал к нему... Я стал ближе к полу! Вот это факт... Ничего, сейчас передохну и поднимусь...

– А вот это вряд ли. То есть я, конечно, не против, но подняться и вздохнуть сейчас уже не получится.

– Ах ты засранец! Да как ты смеешь! Ты понимаешь, что тебе отсюда точно не выбраться! Тебя, дурака, нафаршируют свинцом, как любительскую колбасу – жиром. Давай, включай свет и тихо медленно подходи, чтобы я видел твои руки...

– Ну, положим, чтобы «отсюда» выбраться, надо сначала «сюда» забраться. А я нахожусь на предельно безопасном расстоянии, если вообще термин «расстояние» здесь уместен.

– Так, понятно, они решили свести меня с ума! Где-то работает динамик... Куда они его встроили? Когда успели? Не слушать. Главное – не слушать. Надо заткнуть уши...

– Да я и так могу помолчать...

Человеку показалось, что он уловил в голосе иронию.

– Но легче тебе от этого не станет, время твоё уходит, а оно сегодня как никогда главный невосполнимый ресурс... Может, ты и прав... Давай помолчим. А чтобы не звенело от тишины в ушах, давай послушаем что-нибудь из того, что ты всегда любил... Например, «Фигаро». Исполняет Эмиль Гилельс... Помнишь его?

Человек услышал... нет, скорее почувствовал, как всё окружающее заполняют аккорды Моцарта. Только сейчас они не текли через уши, а будто обволакивали и укутывали в невидимое, но мягкое и тёплое одеяло, вибрирующее в такт музыке... Сразу стало спокойно, весь мир и все переживания стали восприниматься как-то отрешённо... Через несколько минут человек сам решил нарушить молчание.

– Хорошо, я принимаю твои правила, но с одним условием: я спрашиваю – ты отвечаешь.

– Я именно это и хотел предложить. Ты меня опередил. Спрашивай!

– Как ты попал ко мне в голову?

– Это спорный вопрос, кто к кому попал, и главное – это совсем не то, что ты действительно хочешь узнать. Спрашивай смелее.

Музыка прекратила мягко и нежно обволакивать, и как только это произошло, на человека накатила дикая, ни с чем не сравнимая тоска. Страшная мысль, которую он постоянно гнал от себя, огромным раскалённым гвоздём прошла через всё его естество, оставляя после себя дымящуюся открытую рану...

– Я умираю?

Голос ответил не сразу. Такое впечатление, что он тщательно подбирает слова...

– Смотря какой смысл ты вкладываешь в это слово. Если ты имеешь в виду «исчезаю», то нет, а вот переход уже неизбежен. Собственно, я тут именно по этому поводу.

– Ты ангел?

– Для ортодоксального материалиста у тебя слишком патриархальные представления о высших силах. Позволь, я тебе объясню, тем более что время у нас ещё есть. Ты лично можешь наблюдать три устойчивых состояния природы. Первое и самое примитивное – минеральное. Например, камни. Находящийся в этом состоянии предмет не способен трансформировать себя в зависимости от изменения окружающей среды. Более высокая ступень развития – растительная – предполагает возможность самотрансформации и реагирования на изменение условий существования. Например, цветок реагирует на восход солнца, раскрывается, даже поворачивается вслед за ним... Следующая ступень – биологическая, на которой находятся практически все известные тебе живые организмы. Так вот, представь себе обычную капусту, которая раскрывает листочки, радуясь солнцу... И тут подбегает кролик и отрывает капустный лист... Для капусты это принципиально непознаваемая высшая сила, имеющая возможность казнить и миловать. Но мы-то знаем, что это просто кролик... И ты как человек по отношению к кролику – такая же принципиально непознаваемая высшая сила...

– Да-да, я, кажется, читал шутку про спор рыбок: «Ну, хорошо, предположим, Бога нет, но кто тогда воду в аквариуме меняет?»

– Тоже подходит. Так вот, если перейти в другое измерение, то окажется, что человек...

– ...Тоже «капуста» для какого-нибудь «кролика», которого человек считает высшей силой?

– Ну... как аллегория подойдёт...

– Стало быть, ты и есть тот самый кролик?

– Наверно, да... для обитателей следующего по сложности – пятимерного пространства. Даже микроб, но я предлагаю не злоупотреблять аллегориями. Как любые приближения, они таят в себе риск системных ошибок. Достаточно понять, что всё мироздание – это сложная иерархическая система, куда ваш трёхмерный мир вложен, как в матрёшку, в наш четырёхмерный, а он, в свою очередь, разворачивается в пятимерный и так далее...

– А почему я не вижу ни тебя, ни твоего мира?

– Я тоже тебя не вижу. Если я для тебя – это «голос в голове», то ты для меня – сплетение биологических и электрических импульсов. Твой мир для моего и мой для твоего – это разные поля и излучения, пронизывающие друг друга, но не пересекающиеся. Их можно измерить, но невозможно увидеть... А когда при определённых условиях это всё-таки удаётся, история пополняется ещё одной легендой про призраков, чертей или неопознанные летающие объекты.

– Тогда просто расскажи о нём, чтобы я мог представить...

– Я уже говорил, что более сложный, более многомерный мир принципиально непознаваем... Аллегии грубы, определения неточны. Как можно рассказать от природы слепому, что такое зелёный цвет, если он его никогда не видел?

– И что я никогда не видел?

– Например, ты не видишь электромагнитное излучение, хотя для меня оно не только видимо, но и осязаемо... Я даже могу его скатать и швырнуть, как снежок... правда, тогда ты его тоже увидишь. У вас даже название есть – шаровая молния.

– Так ты Зевс-громовержец? С тобой таким трудно общаться – мешает комплекс неполноценности...

– Пусть он тебя не мучает. Что-то не можешь ты, чего-то не могу я.

– Например?

– Например, нам в нашем измерении недоступна ваша способность конструировать реальность... У нас нет такого широкого права выбора. Кстати, вы, такие прожжённые материалисты, почему-то не осознаёте или не верите, что мысль материальна...

– Наш личный опыт это не подтверждает.

– Наоборот, подтверждает постоянно, только делает это нелинейно...

– И в чём же заключается материальность мысли в случае смерти?

– В законе сохранения энергии: ничто не появляется из ниоткуда и не исчезает в никуда. Накопившие достаточный потенциал переходят в более сложный, многомерный мир, растевающиеся его спускаются в более примитивный...

– То есть если по-простому – в рай или в ад...

– Эти слова имеют стереотипы, не отражающие действительность, но за неимением лучшего можно согласиться и с такой формулировкой...

– Ты пришёл, чтобы помочь мне умереть здесь и родиться в вашем мире?

– Для того чтобы помочь тебе умереть, мне пришлось бы записываться в очередь, а вот насчёт нашего мира... Дело в том, что твой потенциал позволяет тебе перейти сразу в вышестоящий мир, минуя наш. И для нас это, не скрою, огромная потеря. Человек с такой энергетикой – большая редкость, и я хотел просить тебя выбрать нас...

– У меня даже есть такое право – выбирать? Неожиданно... А что я ещё могу выбрать?

– Я уже говорил, что люди обладают необычайно широкими возможностями.

– В таком случае, мой выбор тебе не понравится... У меня здесь неоконченные дела...

– Этого я и опасался... Послушай... Подумай... Зачем ковыряться в молекуле одного отдельно взятого кирпича, если твой потенциал позволяет складывать сразу стены Мироздания? У тебя есть возможность пользоваться принципиально иными инструментами! Ты думаешь, что материальный мир – это то, что ты видишь? Да это меньше одной миллионной процента! Чайная ложка вещества нейтринной звезды весит миллиарды тонн, вспышка сверхновой ярче света целой галактики, до края видимой Вселенной лететь тринадцать миллиардов

световых лет... И возможность прикоснуться ко всему этому променять на возню с отстранением от власти какой-то партии?... Оно того стоит?

– Не знаю, но по-другому я не смогу...

– *Ну что ж, будет всё, как ты захочешь, но совсем не так, как ты себе это представляешь...*

* * *

Из воспоминаний дочери Сталина – Светланы Аллилуевой:

«Отец умирал страшно и трудно. И это была первая – и единственная пока что – смерть, которую я видела. Бог даёт лёгкую смерть праведникам...»

Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивается. Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два он просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент – не знаю, так ли на самом деле, но так казалось, – очевидно, в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвёл ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный, и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошёл всех в какую-то долю минуты. И тут – это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть – тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то наверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающий, и неизвестно, к кому и к чему он относился... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела».

Утром 6 марта из правительственного сообщения для народа СССР и всего мира стало известно, что 5 марта 1953 года в 21 час 50 минут вечера после тяжёлой болезни скончался Председатель Совета Министров СССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин.

Октябрь 1900-го

Осень 1900 года для самодержца Российской империи Николая II могла вполне стать последней.

24 октября домашний врач императора Г.И. Гирш записал, что ещё 22 октября у Николая II началось «небольшое расстройство пищеварения».

26 октября в дневнике царя появилась запись: *«Вчерашнее недомогание не прошло, и я принуждён был остаться в постели. Сначала думали, что у меня инфлуэнца, но через несколько дней доктора решили, что у меня брюшной тиф...»* Затем записи в дневнике прерываются вплоть до 30 ноября 1900 года, поскольку температура у Николая II была уже под сорок градусов.

Это было неожиданное и во всех смыслах странное заболевание, которое сопровождалось целым списком чисто детективных событий. Начнём с того, что во всей Ливадии так и не смогли выявить ни одного переносчика этой заразы. Непонятно откуда взявшаяся «инфекция» долбанула конкретно по одному человеку, из-за чего возникли и рассматривались самые экзотические варианты источника болезни.

Накануне всех событий посланник турецкого султана Турхан-паша преподнёс в подарок Николаю Второму турецкий альбом с фотографиями (запись в дневнике Николая II от 23 октября 1900 года). Врачи сразу уцепились за это событие, предположив, что именно через альбом император мог якобы заразиться тифом – других источников просто не выявили, хоть и усердно рыли носом. Подозрения усугубились, когда этот пресловутый альбом при таинственных обстоятельствах 26 октября бесследно исчез из Ливадийского дворца.

Таинственной и подозрительной, как свист в ночи, была постановка диагноза, точнее, её стремительность. Большая медицинская энциклопедия указывает, что в *кровяной сыворотке следы тифозных бактерий могут быть обнаружены ТОЛЬКО на 8-й, в лучшем случае – на 4-й день, когда и становится возможным поставить точный диагноз.*

В случае же болезни Николая Второго диагноз был поставлен в течение суток – нереальная для этой болезни оперативность! В эту же копилку ложится отсутствие у царя одного из важных и отличительных симптомов брюшного тифа – так называемой розеолёзной сыпи.

Однако все эти медицинские нестыковки затмило поведение находящейся в положении императрицы Александры Фёдоровны, ставшее главным сюрпризом для окружения императора. С первых дней болезни Александра решительно взяла ситуацию под контроль и установила режим тотальной изоляции царя, исключаяющий любое общение Николая с кем бы то ни было из придворных и родственников.

Генерал А.Н. Куропаткин отмечал:

«Вот уже шестой день Государыня никого, кроме врачей, не видит сама и не допускает к Государю. Сама спит с ним в одной комнате и ухаживает за ним, дежуря посменно со своей няней. Никаких предосторожностей ни за себя, ни за детей не принимает. Тесно – и не дезинфицируют».

Между тем брюшной тиф – весьма заразная болезнь. Императрица этого не могла не знать, как и то, что она рискует не только своей жизнью, но и жизнью своего будущего ребёнка.

Изоляция царя не ограничивалась только общением. Другим значимым и шокирующим известием стало прямое указание царицы, в котором она объявила всем министрам, что ни одного документа не допустит до Николая Второго. По её приказу все бумаги должны быть адресованы на её имя, а после этого она сама будет разбираться, «что и когда показать императору».

А вот эта заявка уже выходила далеко за рамки чисто семейных отношений. Александра Фёдоровна на глазах изумлённой публики де-факто перехватывала управление империей.

Полностью изолированы от императора оказались не только министры. Во время болезни сына вдовствующая императрица так и не смогла достучаться до сердца своей невестки: она общалась с Александрой Фёдоровной через телеграммы, и все её советы и просьбы были проигнорированы. Сведения о протекании болезни Николая царице-матери отправляла её дочь – великая княжна Ксения Александровна, которая в это время проживала рядом в своём имении Ай-Тодор.

В письме к царице-матери Александра Фёдоровна не только запретила ей приезжать к больному сыну, но и предупредила, что никому не уступит своего места у постели больного.

Отказывая в предоставлении какой-либо информации матери Николая Второго, Александра Фёдоровна повелела, чтобы с 3 ноября подробные бюллетени о течении болезни царя отсылались английской королеве в Виндзор, что вообще выходило за рамки элементарных приличий и генерировало слово, произносимое пока шёпотом, ставшимся, однако, всё более отчётливым. И это слово было «заговор!».

Даже у далёких от политики чиновников поведение Александры вызывало стойкое недоумение: если государь был болен брюшным тифом, то почему царица, ожидавшая долгожданного наследника, не тревожилась о своём состоянии и находилась рядом с мужем, не боясь заразиться тифом. Этот факт для окружающих оставался загадкой, но из Крыма уже обильным потоком в столицу шли слухи, что царь вовсе не болен, а то ли сам отравился, то ли его отравили. Никто точно не знал истинного положения дел. Впрочем, не это было главным – интриговало таинственное, на грани мистики, поведение императрицы.

Она даже встала на пути министра императорского двора, отказав барону В.Б. Фредериксу в выполнении его обязанностей по службе. Он не мог приходить во время болезни в опочивальню к государю с того же момента, когда Александра отменила все посещения мини-

стров с докладами. Ошарашенный таким *état de choses*¹, барон забил тревогу, ибо по основным российским законам связь державного главы с правительством не могла прерываться ни на минуту. Если связь нарушалась ввиду тяжёлой болезни государя, то закон обязывал назначить регента по управлению страной.

Пожелание барона было исполнено самым неожиданным для него образом. Шестого ноября, когда состояние Николая Второго стало критическим и он уже практически не приходил в сознание, императрица Александра Фёдоровна выдвинула от имени императора свежую инициативу – в случае смерти мужа посадить на престол пятилетнюю дочь Ольгу с назначением себя регентшей при ней до совершеннолетия.

Двор встал на дыбы. Министр финансов Сергей Юльевич Витте срочно собрал внеочередное совещание министров. Цель совещания – в необходимости согласовать действия министров, убедить их не признавать узурпацию власти Александрой Фёдоровной и напомнить о неоспоримости прав на престол брата Николая Второго – великого князя Михаила Александровича.

Министры, находящиеся в Ливадии, осознав, что на пороге нарисовался династический кризис, разделились на два противоположных лагеря – условно их можно рассматривать как «проимператорский» и «виттевский». Первую группу, чуть ли не с криком «Виват, императрица!», возглавил военный министр А.Н. Куропаткин, вторую – «всемогущий министр финансов».

Как в любых династических спорах, прав оказывался тот, на чьей стороне было больше штыков, и вроде как наличие в лагере неистовой Аликс военного министра Куропаткина должно было склонить чашу весов в её пользу. Однако, как отметил историк Александр Широкопад:

«Следует обратить внимание на то, что Ливадия – не Санкт-Петербург, где династические споры в XVIII веке решала исключительно гвардия. Спору нет, рядом с Ливадией дислоцировались гвардейские части силою не более полка. Но сухим путём в Ливадию тогда попадали только через Севастополь (троллейбусного сообщения Симферополь – Ялта тогда, увы, не было, а горные тропы не в счёт). Ливадийский дворец и все окрестные постройки расположены приблизительно в версте от моря и великолепно просматриваются даже с борта прогулочного катера – сам смотрел. А в хорошую оптику с марса броненосца видны и различия на погонах.

Таким образом, ситуация в Ливадии в случае смерти Николая полностью попадала под контроль Черноморского флота, чью позицию определял не столько командующий вице-адмирал С.П. Тыртов, сколько командир броненосца “Ростислав” капитан первого ранга великий князь А.М. Романов».

Так как Александр Михайлович занял резко отрицательную позицию по отношению к попытке государственного переворота, Александра Фёдоровна была вынуждена смириться и отступить, умерив свои амбиции и затаив кровную обиду и на Витте, и на великого князя.

Этой же ночью в состоянии больного наступил кризис. Николай Второй как будто впал в оцепенение, настолько глубокое, что Аликс даже испугалась, что он умер, однако в полночь оцепенение сменилось судорогами. Они волнами перекачивались по всему телу, заставляя его выгибаться дугой. Медицинские манипуляции спешно вызванных докторов никакого облегчения не приносили. Император стонал, метался в бреду, звал какого-то Айтона, требовал искать большого мингрела, а затем неожиданно обмяк и начал что-то бегло бормотать...

Испуганная Аликс придвинулась ближе, пытаясь разобрать слова, как вдруг больной открыл глаза и, схватив руку супруги, сжал её, как тисками, посмотрел на неё обезумевшими глазами и буквально проскрипел абсолютно незнакомым глухим голосом:

¹ Положение вещей (*фр.*).

– Кто ты?.. Где я?..

Императрица инстинктивно несколько раз дёрнула руку, попыталась оторвать сжимающие её пальцы императора, всхлипнула, закатила глаза и сползла без чувств на руки профессора Попова, заставив его переключиться с основного пациента на её величество.

Из-за спины Попова к императору с укусуными салфетками наперевес бросился добрейший Густав Иванович Гирш, стремясь смахнуть пот, выступивший на лбу монарха, и по-стариковски слезливо приговаривая:

– Какое счастье, ваше величество, какое счастье! Вы наконец-то пришли в себя! Мы так за вас испугались! Вы в Ливадийском дворце. Это – ваша сиятельная супруга Александра Фёдоровна и профессор военно-медицинской академии Лев Васильевич Попов, вызванный из Петербурга Сергеем Юльевичем Витте...

Император упёрся взглядом в суемящегося Гирша, как будто пытался осознать им сказанное. Постепенно его лицо залила мертвенная бледность, а глаза словно остекленели...

– Айтон! Вириш скуа², Айтон... – сквозь зубы промычал император и, отвернувшись, потерял сознание...

Через полчаса, когда императрица Александра Фёдоровна пришла в себя, Гирш стоял у постели Николая Второго и считал пульс, а Попов заботливо обмахивал женщину платком.

– Поздравляю, государыня, – торжественным шёпотом произнёс профессор. – Кажется, кризис миновал, ваш муж крепко спит, сердечный ритм и дыхание в норме. Очень надеюсь, что никаких осложнений не будет и ему уже ничего не угрожает. Надеюсь, и вам теперь будет полегче...

– Да уж... – сомкнутыми губами буркнула императрица, бросив короткий взгляд на постель Николая Второго. – Жить стало легче, жить стало веселее...

– Что, простите, ваше величество?

– Ах, Лев Васильевич, не обращайтесь внимания, глупости какие-то в голову лезут...

– Да, ваше величество, все устали, всем нужно отдохнуть...

Ноябрь 1900-го.

Ливадия. Пробуждение

Барон Фредерикс аккуратно прикрыл за собой дверь и, окинув взглядом собравшихся в зале министров, отрицательно покачал головой.

– Его величество извиняется, но принять вас сегодня не сможет...

Когда шушукающиеся чиновники покинули приёмную, к барону подошёл Витте и, нервно терзая цепочку от часов, зашипел ему в ухо:

– Владимир Борисович! Четвёртый раз подряд приём отменяется! Скандал! Что будем делать?

– Сергей Юльевич, – протирая платком взмокшую шею, пожал плечами министр двора, – а что я могу? Вы видели его глаза? Это же тигр перед прыжком! Если уж он так бесцеремонно спровадил свою дражайшую супругу, то нас с вами отправит в отставку без мундира.

Выдворение императрицы из покоев императора произошло на следующее утро после кризиса и было достаточно бурным и красноречивым для подобных опасений министра двора.

После той ужасной ночи император пришёл в себя только к полудню. Александра, впорхнув в опочивальню государя после прогулки, обнаружила его проснувшимся и о чём-то бодро препирающимся с лейб-лекарем Гиршем. Императрица привычно беспардонно оттерла старого доктора и бросилась к мужу, однако, как в стену, упёрлась в его непривычный, стального цвета взгляд и ледяные слова:

² Сын осла (*мингрельский*).

– Сударыня, подождите, пожалуйста, за дверью, пока вас не пригласят, и не мешайте мне беседовать с врачом!

– Никки! – буквально взвилась Александра Фёдоровна, не привыкшая к такому обращению. – Как ты смеешь меня выставить, словно я челядь?!

– Густав Иванович! – не обращая внимания на покрывшуюся пунцовыми пятнами жену, глухим, но твёрдым голосом обратился император к доктору. – Тиф – это заразная болезнь, не так ли?

– Да, ваше величество! Однако...

– В таком случае приказываю немедленно прекратить подвергать риску заражения моих родственников и удалить их на безопасное расстояние. Александру Фёдоровну с детьми отправить в Царское Село немедленно.

– Но, ваше величество...

– Густав Иванович, вы выполните моё распоряжение, или мне найти для этого кого-нибудь порасторопнее? И вот ещё что, попросите тов... барона Фредерикса собрать и принести всю доступную прессу за последнюю неделю. Приёмы отменить. Все доклады в письменной форме. Здоровье наших министров тоже стоит поберечь, не так ли?..

С того дня прошла уже неделя, в течение которой к императору заходили только доктора, да министр двора барон Фредерикс летал шмелём, добывая и доставляя по шесть раз в сутки прессу, справочники, своды законов и уложений, списки рескриптов, донесений, реляций и справок самых различных служб и ведомств, причём количество их постоянно увеличивалось почти в арифметической прогрессии.

Создавалось впечатление, что Николай Второй спешно пытался наверстать упущенное за первые пять лет царствования и прочитать все те скучнейшие бумаги, которыми он откровенно пренебрегал ранее. При этом император напрочь игнорировал протесты лечащих врачей, категорически требующих ограничить время работы с документами ввиду далеко не блестящего состояния здоровья.

После долгих и ожесточённых споров все три присутствующих медика – Гирш, Попов и Тихомиров – констатировали, что кризис миновал и болезнь отступает, оставляя после себя осложнения в виде очаговой амнезии и частичной дисфункции двигательного аппарата и головных связей, в результате чего у императора значительно изменился тембр голоса, почерк и даже цвет глаз...

При этом общее самочувствие и работоспособность восстанавливаются медленно, поэтому больному предписываются покой и прогулки по горизонтальной поверхности, но ни в коем случае не круглосуточная работа за столом. Однако, если выбирать между бесконечными приёмами министров или чтением их докладов, медики однозначно отдавали предпочтение последнему варианту.

Совсем другие настроения были у чиновников, которые буквально осаждали Фредерикса требованиями личной аудиенции. Следует понимать нетерпение министров, придерживающихся определённых правил при дворе. Их всеподданнейшие доклады государю являлись частью государственной политики, её официальной процедурой и представляли собой не только анализ конкретных проблем, стоящих перед министерством, но и возможность подчеркнуть свой личный статус приближённого лица.

Как было заведено, личные доклады министров начинались в один и тот же день и час. Например, для Сергея Юльевича Витте они проходили в пятницу около 11 часов, но не реже одного раза в неделю. Первым с докладом шёл министр финансов, а затем министр путей сообщения. Сергей Юльевич в своей службе был очарован этим церемониалом: министр один на один общался с монархом, что позволяло ему влиять на принятие не только тех вопросов, которые он представлял в своём докладе, но и вообще любых других, интерес к которым он мог вызвать у императора.

Всё зависело от профессиональных и ораторских качеств министра, его умения обернуть изложенный материал в свою пользу. Всепогоднейшие доклады представляли некую церемониальную форму общения с его величеством по тем делам, на первоочередность решения которых указывал министр. Для Витте доклады являлись важной частью его министерской деятельности. Он не допускал и мысли, что когда-нибудь сможет потерять этот способ влияния на императора.

Отсутствие длительного личного контакта с монархом вселяло неуверенность и ощущение опасности, которое никогда и никого не покидало при дворе. А уловить, насколько она реальна и есть ли вообще, можно было только при личном общении. Пока же приходилось со слов Фредерикса и эскулапов пытаться угадать, что государь думает и что планирует...

* * *

Если бы министры могли действительно понять, о чём сейчас думает и что планирует их император, у них бы волосы встали дыбом, как это произошло с ним самим, когда он осознал, какой замысловатый «финт ушами» сделала его душа и в чьё брненное тело занесло её после диалога с прохвостом Айтоном.

– Значит, вот так ты решил! Значит, вот так? – беззвучно кричал в стену новоиспечённый император, мысленно обращаясь к своему ночному гостю. – Ты решил, что в этом обличье мне будет проще? Проще победить жуликов и воров? Проще задавить комчванство? Партийных бюрократов проще в подпол загнать? А что мне делать с буржуями и царскими чиновниками? Их куда деть? Или они лучше?

Хотя в глубине души рос ужас осознания – они не лучше и не хуже, они – такие же. И эта самая простая и самая логичная догадка угнетала сильнее ядов и микробов: как же он со своим революционным опытом не догадался раньше, что бюрократы, профессиональные управленцы – это ещё один, отдельный класс, не менее хищный, чем капиталисты, и гораздо более циничный, чем монархи, ибо, реально управляя государством, бюрократы не несут никакой ответственности перед управляемым объектом и весьма относительную – перед вышестоящим начальством. Ну, хорошо, он это понял... Теперь понял. И что?

И что теперь делать ему, профессиональному революционеру, секретарю ЦК КПСС и Председателю Совета министров СССР в обличье человека, свержение которого было делом его жизни? Монарх-коммунист – это вещество и антивещество в одном флаконе с неминуемым взрывом мозга. Поэтому первой мыслью было... бежать. Дождаться, когда перестанет кружиться голова и будут держать ноги, и бежать! Но куда? К кому? И главное – зачем?

В любом случае спасительная изоляция и естественная слабость давали возможность не торопиться и сосредоточиться, хорошо подумать и наметить план действий с учётом сложившихся обстоятельств. А чтобы план был качественный, его надо составлять аккуратно и не спеша, включив весь свой опыт пребывания в правящей элите. С самого-самого начала...

А начать надо с того, чтобы никто не заметил резких изменений в поведении, в мимике, жестах и риторике, в общем, как раз в тех мелочах, которые так трудно контролировать и которые являются невидимыми маркерами личности, её родимыми пятнами. Кто в первую очередь может заподозрить что-то неладное, не найти старых знакомых привычек или, наоборот, обнаружить новые, незнакомые? Семья. Значит, женщин и детей отослать срочно! Не встречаясь и не прощаясь!

Второе – в столицу пока ни ногой. Слишком много глаз. Слишком много пытливых любопытных глаз. Здорово было бы, сославшись на пережитое, запереться где-нибудь в монастыре... Нет, опасно. Зайти туда легко, а вот выйти может и не получиться – претенденты на трон не дремлют. Кстати, надо составить списочек кандидатов...

Теперь – придворные. Их много, и они разные. Кто есть кто – непонятно. Все в масках раболепия и смирения. Как вести себя с ними? Можно просто молчать и кивать... Нет, так не получится. Молчащий человек привлекает особое внимание. Молчать нельзя, придётся говорить, причём что-то такое, чтобы на разглядывание самодержца ни времени, ни желания уже не оставалось. Надо придумать что-то, что позволит раскрыть их, не раскрывая себя. Нужен эпатаж, причём такой, чтобы аннулировать привычный политес.

У американцев это называется «бросить на стол дохлую кошку». И тогда, вне зависимости от важности ранее обсуждаемых вопросов, все будут обсуждать только дохлую кошку. И таких дохлых кошек должно быть много, и кидать на стол их придётся постоянно, пока окружающие не привыкнут к новым манерам монарха и не начнут считать их естественными и благоприобретёнными...

Император покачал головой и недовольно хмыкнул. Такой стиль поведения был совсем не его. Но что тут поделать – придётся заимствовать некоторые приёмы из арсенала товарища Троцкого, которые одинаково хороши как для привлечения внимания, так и для его отвлечения. Главное – не перестараться и не нарваться на заочное объявление самодуром и очное признание недееспособным... И то, и другое, опять же, привлечёт лишнее ненужное внимание. И вопросы... Надо постоянно задавать вопросы, на которые им придётся отвечать. Тогда всё внимание будет сосредоточено на том, как правильно сформулировать ответ, и на личность говорящего сил уже не останется...

Император оглянулся, не видит ли его кто, украдкой встал, попробовал, как держат ноги, сделал несколько шагов, размял руки, с удовлетворением отметив, что его «сухая» левая вполне подвижна и дееспособна. Сделал шаг пошире и вынужден был опереться о стол – голова ещё кружилась...

Стол внушал уважение своей основательностью и габаритами. Собственно, даже не стол, а фундаментальное сооружение с мощными и одновременно изящно инкрустированными тумбами – функциональное произведение искусства. Чем-то оно напоминало здания послереволюционной Москвы, носящие его имя – сталинский ампи́р.

Император провёл рукой по зелёному сукну и улыбнулся, вспомнив свой первый рабочий стол после попадания во власть...

1917. Петроград. Смольный. Начало

– Товарищ Сталин! Товарищ Сталин! Товарищ народный комиссар по национальностям!

– Зачем же так орать? – Сталин поморщился, однако остановился и обернулся на голос. Популярная бородка клинышком, аккуратные усы и загибистая чёлка зовущего никак не вязались с его крестьянской косовороткой и безразмерными извозчичьими штанами, заправленными в стоптанные сапоги. Прямые, как стрелы, брови. Глубоко утопленные глаза с прищуром. Смотрит внимательно, но не сердито. Это хорошо. Значит, послан не за тем, чтобы вызвать на ковёр.

– Простите, чем обязан?

– Пестковский, – отрекомендовался, отдуваясь, «извозчик». – Станислав Пестковский, назначен к вам заместителем.

– Вот оно как? Ну, раз назначены, тогда приступайте к исполнению обязанностей...

– Готов. А где находится моё рабочее место?

– Вот, – поднял Сталин указательный палец, – найти рабочее место для себя и для меня – это и будет ваша первая обязанность...

– А вообще комиссариат у вас есть?

– Нет.

– Ну, так я вам его сделаю.

– Хорошо. А что вам для этого нужно?

– Пока только мандат...

Сталин, не любивший тратить лишних слов, удалился в управление делами Совнаркома и через несколько минут вернулся с мандатом. В одном из уже занятых помещений Смольного Пестковский нашёл свободный столик и поставил его у стены, укрепив над ним лист бумаги с надписью: «Народный комиссариат по делам национальностей». Ко всему этому прибавили два стула. Можно было начинать работать.

Да-а-а, два скрипучих стула и ободранный стол в проходной комнате. Печать из резиновой подмётки, пачка бланков, изготовленных за собственные деньги, и неутомимый «извозчик» Пестковский – вот и весь наркомат. Но зато совершенно дикий энтузиазм: «Вот сейчас мы покажем, как надо! Даёшь диктатуру пролетариата! Вся власть Советам! Мир – хижинам, война – дворцам!»

Ноябрь 1900-го. Ливадийский дворец

Император встряхнул головой, отгоняя навязчивые воспоминания... В 1917-м задачу номер один они выполнили – зажавшихся аристократов из тёплых мест выкинули, скользких дельцов от кормушек отодвинули, чиновников, потерявших от безнаказанности берега, наказали... Однако с разбегу, как на столб, налетели на то, о чём предупреждал старик Иммануил Иоганнович Кант: *«Посредством революции можно, пожалуй, добиться устранения личного деспотизма и угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев, но никогда нельзя посредством революции осуществить истинную реформу образа мыслей; новые предрассудки так же, как и старые, будут служить помочами для бездумной толпы»*.

Всё именно так и вышло. Революционеры решительно отстранили от власти тех, кто с ослиным упрямством вёл страну к катастрофе, но проморгали момент, когда свои же товарищи превратились в таких же зажавшихся аристократов, скользких дельцов и потерявших берега чиновников. Надо постараться не повторить ошибки.

Император сел за стол и решительно придвинул к себе блокнот в кожаной обложке. Работы предстоит много. И, как всегда, кадры решают всё. Только вот кто они, эти кадры? С пролетариатом в 1917-м получилось не совсем хорошо, точнее, совсем нехорошо, хотя большевики были уверены, что именно они – самые сознательные, совестливые, передовые, и только на них нужно опираться, если хочешь что-то изменить... Стоит только им позволить контролировать и руководить – всё наладится... Какая наивность!..

1918. Петроград.

Кто был ничем, тот станет всем!

– Иосиф Виссарионович! Нам дали большую сибирскую гостиницу, но её самочинно захватил ВСНХ. Мы, однако, не отступим. Велите Аллилуевой написать на машинке несколько бумажек следующего содержания: «Это помещение занято Наркомнацем». Да захватите с собой кнопки!

Надя Аллилуева, будущая жена Сталина, а пока просто машинистка в комиссариате национальностей, собрала запрошенное в один миг, за что была вознаграждена благодарным взглядом и лёгким кивком головы. Вооружённые магическими бумажками и кнопками, Сталин и Пестковский отправились на автомобиле в Златоустинский переулок.

Ещё недавно шли городские бои, артиллерия была прямой наводкой по Владимирскому юнкерскому училищу на Петроградской стороне. Теперь спокойнее, но сильно холоднее. Городские службы тогда почти не работали, некому было убирать снег, а его было так много, что можно было залезть на сугроб и прикурить от газового фонаря. Нечасто выбирающийся на свежий воздух Сталин удивлённо вертел головой.

– Послушай, – толкнул он в бок свою «тень» по наркомату, Пестковского, – одни рабочие на улицах. А где остальные? Где чиновники? Гимназисты? Где буржуи, в конце концов?

– Маскируются, – вздохнул заместитель. – На улице может серьёзно перепасть тем, кто ходит, например, в пенсне. Это считается чем-то вроде отличительного знака буржуа. Могут

огрابت, отнять одежду, а то и просто убить. С одеждой в городе особенно тяжело, на прогулке запросто можно лишиться шубы или пальто. Поэтому горожане стараются не выделяться среди прохожих своим внешним видом. Вот и маскируются под среднего жителя Петрограда, желательно – под рабочего. Это безопаснее.

– А красногвардейцы? – изумился Сталин. – Они же должны поддерживать порядок и пресекать...

– Так они и грабят, – передернул плечами Пестковский. – Напьются и идут патрулировать... Увидят что-то ценное – снимут, поменяют на самогон...

– А как же сухой закон?

Пестковский посмотрел на Сталина, как учитель на нерадивого ученика, махнул рукой и отвернулся, уставившись в однообразный грязно-серый пейзаж хмурого города. Какой «сухой закон», если буквально вчера на рабочем месте был обнаружен пьяный вдрызг комендант Шатов. И это если не считать кокаина и морфия, потребление которого возросло кратно...

– Ничего, – больше себе, чем заместителю, произнёс Сталин с ярко выраженным грузинским акцентом, который всегда проявлялся, когда он был раздражён и взволнован, – ничего-ничего. Это всё мы поправим. Это ненадолго. Сейчас, конечно, плохо, но наступит мировая революция, мы всех победим и заживём. Нужно только чуть-чуть потерпеть. Мы – первое государство рабочих и крестьян. Раньше нас все эксплуатировали, а теперь мы сами принимаем решения...

А душу в это время грыз маленький неприятный червячок. И возникали вопросы... Много недоумённых вопросов... Почему тоска и разруха? Мы же скинули буржуев! Поручили самодержавие! Свобода, братцы! Теперь открыты все двери! Кто был ничем, теперь может стать всем! Всем, кем захочет! Зачем же с кистнём, да на большую дорогу?

* * *

– Нет, вы это читали?! Вы читали?! – Ленин, как шашкой, рубанул по письменному столу газетой «Новая жизнь». – Каковы мерзавцы!..

На Ильича было больно смотреть. На глазах рушилась его модель пролетарского государства. Жизнь убедительно демонстрировала несостоятельность собственных дореволюционных теорий. Сталин и сам прекрасно помнил дооктябрьские представления Ленина о государственном управлении: «Какая милиция нужна нам, пролетариату, всем трудящимся? Действительно народная, то есть *состоящая из всего поголовно населения*, из всех взрослых граждан обоего пола», – писал Ленин соратникам в своих «Письмах издалека».

«Сам вооружённый поголовно народ, объединённый Советами – вот кто должен управлять государством», – говорил он солдатам на митинге в измайловском полку 10 (23) апреля 1917 года.

И пролетариат вооружали. Самозабвенно и безоглядно. В октябре – ноябре 1917 года Красная гвардия насчитывала около двухсот тысяч человек, из них тридцать тысяч только в Петрограде.

Боец «гвардии» получал в месяц от 50 до 100 рублей. В то же самое время 50 рублей зарабатывали учитель гимназии и хороший рабочий, 70 рублей – рабочий высокой квалификации, 100 рублей – младший офицер на фронте.

«Красногвардеец» имел красную повязку, огнестрельное оружие, юридическую неприкосновенность и владел безграничным правом, ограниченным только его личным революционным правосознанием, то есть ничем.

И вот совершенно неожиданно для молодой власти большевиков революционное правосознание вооружённого пролетариата капитулировало перед криминальными соблазнами.

Именно про этих «красногвардейцев» писал Блок: «...на спину б надо бубновый туз», «... запирайте этажи, нынче будут грабежи».

И Горький в своей газете «Новая жизнь» приводил свидетельства, как банды «красногвардейцев» численностью до нескольких сотен человек грабят сёла в Петербургской губернии, убивают, пытаются, обкладывают крестьян контрибуцией.

– Что будем делать, товарищ Сталин? – резко, как выплюнул, бросил Ленин в собеседника вопрос-возмущение, не отрывая глаза от размочаленной газеты и грассируя сильнее обычного. – Что делать с этими мерзавцами?..

Впрочем, план действий был уже сформирован и передан на исполнение Дзержинскому.

В мае 1918-го отряд «Красной гвардии» под командованием вчерашнего штабс-капитана Наумова захватил и начал грабить Царское Село. За него была изрядная битва, и части «особого назначения» ВЧК перебили «наумовцев», как собак. В течение лета полки «особого назначения» уничтожали «красногвардейцев» в Луге, Гатчине, Новой Ладоге, Тихвине. Официально это звалось «подавлением кулацких восстаний», но какие же могли быть «кулацкие восстания» в городах?

К сентябрю 1918 года «Красная гвардия» была истреблена, а Сталин впервые каждой клеточкой ощутил, как тает его вера в безусловную классовую сознательность пролетариата, а вместе с ней рушится миф о гениальности Ильича, считавшего пролетариат универсальной отмычкой к любым политическим и экономическим головоломкам...

Ноябрь 1900-го. Ливадийский дворец

– Владимир Борисович, – император скользнул по заспанному лицу барона Фредерикса взглядом, ставшим таким непривычно стальным после болезни, – простите, что я поднял вас с постели, однако ваша служба, как и моя, не предусматривает нормированный рабочий день, не так ли? Впрочем, если вы считаете, что этот режим для вас тяжёл...

– Нет, что вы, ваше величество! Я хорошо помню, служба – понятие круглосуточное. Что от меня требуется?

– Список всех наших подданных, воюющих сегодня в Трансваале, а также тех, кто воевал, но по каким-то причинам уже вернулся на Родину. Затем список всех военных агентов, работающих на территории Европы, Азии, Африки. И главное – передайте графу Канкрину Александру Георгиевичу, что я хотел бы его видеть...

– Будет сделано, ваше величество. Надо ли понимать это так, что вы прерываете свой карантин и возобновляете высочайший приём?

Император поморщился, словно от лимона.

– Просто приём, Владимир Борисович. Давайте говорить проще и скромнее. Каким он будет – пусть решат потомки. Приём – да, частично возобновляем, но принимаем пока не всех... Вот кто, например, записан у нас на завтра?

Барон Фредерикс положил папку на стол и широким жестом распахнул её, выудив оттуда внушительный «манускрипт», усыпанный бисером фамилий, одновременно скосив глаз на записную книжку императора, где на открытой странице в пол-листа красовалось всего одно слово: «опричники», а ниже него – короткое, как выстрел, трижды подчёркнутое «кто» и три вопросительных знака.

Император пробежал глазами список и ткнул мундштуком трубки в первую же, украшенную самым длинным и пафосным титулом, фамилию...

– Вот с родственников и начнём...

Ноябрь 1900-го. Ливадия. Сандро

– Никки! Как я рад! Как я чертовски рад видеть тебя в добром здравии! – Великий князь Александр Михайлович излучал добродушие и оптимизм. – Мне тут про тебя наговорили чёрт-

те что... даже то, что ты сошёл с ума... Честно говоря, я и сам так подумал, когда узнал, что ты выставил свою ненаглядную Аликс. Какая муха тебя укусила, Никки?..

Император с интересом рассматривал brave молодца в военно-морской форме. Как ни крути, а смотрелось чёрное обмундирование эффектно. Всё-таки правильно он сделал, что вернул тогда, в той жизни, в 1943 году погоны, с ними форма смотрится гораздо солиднее.

Впрочем, форма сегодня интересовала императора гораздо меньше содержимого, которым был один из великих князей – Александр Михайлович, представитель самого шепутого и самого неприкаянного, в смысле должностей и влияния, «тифлисского клана» дома Романовых.

В Петербурге Михайловичей успешно и неизменно оттирал от власти и бюджета клан Александровичей, состоящий из трёх братьев императора Александра II – Алексея, Владимира и Сергея. Первый – генерал-адмирал, второй – командующий гвардией, третий – московский генерал-губернатор. На совести этого триумvirата было множество «славных» дел, начиная с ходынской трагедии, доведения русского флота до абсолютно небоеспособного состояния и заканчивая Кровавым воскресеньем.

А ведь есть ещё кланы Николаевичей и Константиновичей. И у Николая II, в силу его характера, не было ни единого шанса справиться со всей этой разномастной великокняжеской вольницей, сытно жрущей, сладко спящей и полностью уверенной, что солнце восходит исключительно для удовлетворения их потребностей.

Морально-волевых качеств монарха Николай II не имел от природы, поэтому, пока он сидел на троне, страной рулили не самые талантливые или хотя бы самые преданные, а самые наглые и циничные – тот же клан Александровичей, компания Витте, клика Безобразова и прочие, и прочие, за которыми маячили, особо не стесняясь, банковские дома Ротшильдов и Шиффов, разведки Франции и Британии, и даже «ветхозаветные» масоны, к началу XX века растерявшие большую часть своего влияния, но сохранившие апломб и веру в собственную значимость.

Впрочем, нахрапистых и циничных, подпёртых банковским капиталом, «обогащённых» связями с различными разведслужбами хватало и в революционном ленинском Совнаркоме. Интриги там плелись круглосуточно. Кровушка лилась рекой. Сталину, ещё совсем малоизвестному партийному клерку, пришлось учиться выживать и лавировать между такими мастодонтами подковерной борьбы, как Свердлов, Троцкий, Красин, Зиновьев, Каменев. Было страшно. Азартно. Почти безнадежно. Но он не просто выжил. Он победил, виртуозно сталкивая их лбами и вынуждая пожирать друг друга, в то время пока сам Сталин скрупулезно, по кирпичикам, собирал собственную структуру власти.

Победил тогда – победит и сейчас. Поэтому к первой встрече с первым «родственником» у императора был уже готов план действий, написанный накануне под бормотание пришедших на ум стихов Есенина:

...Мне противны и те, и эти,
Все они – класс грабительских банд,
Но должен же, друг мой, на свете
Жить как-то Рассветов Никандр...

Великий князь Александр Михайлович совсем недавно вернулся на флот из отставки, куда его «по-родственному» вышвырнул генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович. Поводом для отставки была якобы некачественная программа усиления Российского флота на Тихом океане, в которой Сандро предсказывал неизбежность войны с Японией.

Причина отставки была другая, насквозь меркантильная и циничная. Если бы программу одобрили, то выполнять, скорее всего, поручили бы её автору. А значит, через Сандро потекли

бы бюджетные деньги, которые генерал-адмирал давно считал своей собственностью. Николай II, кстати, повёл себя в этом конфликте как последний малодушный негодяй. Это ведь он попросил Александра Михайловича написать злосчастную программу. А потом сдал его на растерзание дяде при первых же признаках генерал-адмиральского гнева.

Вернулся Сандро на флот через три года на крайне скромную для великого князя должность старшего офицера броненосца береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин» (с мая 1900-го – командир броненосца «Ростислав») и сидел тихо вплоть до ливадийского комплота, где только его решительное «нет» остановило отстранение Николая II от власти (а может, и от жизни) «в связи с тяжелой и скоропостижной болезнью».

На личном деле великого князя, которое представляло пока только листок в блокноте императора, красным карандашом были дважды подчёркнуты слова: «фаталист и мистик, увлекается эзотерикой и спиритизмом».

– Сандро... – медленно произнёс император, как будто пробуя на вкус домашнее прозвище великого князя. – Сандро, как всё-таки красиво звучит твоё семейное имя, не находишь?

– Никки, раньше тебя оно вообще не трогало, что случилось?

– Понимаешь, Сандро, иногда для того, чтобы взлететь, требуется получить приличный пинок под зад, не так ли? Тогда неожиданно для себя самого ты начинаешь обращать внимание на такие мелочи, которые до этого вообще не замечал.

– Ты хочешь сказать, что твоя *se quereller*³ с Аликс...

– Я хочу сказать, что мы с тобой вообще не о том разговариваем, – император, кряхтя, поднялся с кресла и, чуть подволакивая ногу, подошёл к князю. Только сейчас Сандро заметил, как изменила болезнь взгляд самодержца. Вместо голубых беспечных глаз Никки на него смотрела холодная сталь, в которой растворялось без остатка скупое осеннее солнце.

– Ты спас мне жизнь, не так ли, Сандро? – глухим голосом то ли спросил, то ли утвердительно произнёс император.

– Ты преувеличиваешь, Никки...

– Не перебивай...

– Ого, – ёкнуло сердце у Александра Михайловича. Такого резкого тона он от Николая не слышал никогда.

– Мы же оба знаем, что это был заговор, не так ли? – остановившись прямо напротив князя и испытующе глядя ему в глаза, продолжил император. – И тебе было достаточно просто не мешать, чтобы корона слетела с моей головы. Но ты вмешался, зная, что ни Аликс, ни те, кто стоят за ней, тебя не простят. Почему? Я же предал тебя, Сандро... Я предал, когда тебе пришлось уйти в отставку...

– Никки, мне кажется, ты слишком строг к себе, к Аликс... да, она... – князь pokrutil рукой, подбирая нужное слово, – *ambitieux*⁴, но не настолько, чтобы... и, в конце концов, разумный компромисс...

– Сандро, давай говорить только то, во что веришь, а не то, к чему тебя обязывает придворный этикет, – усмехнулся в усы император, очередной раз удивив князя непривычной реакцией. – Компромисс – это мягкая форма предательства. В то же время предательство – одна из форм компромисса. Что же касается Аликс... Человек, выросший при английском дворе, никогда не сможет быть абсолютно самостоятельным...

Великий князь застыл с открытым ртом, в котором застряли все слова, которые он хотел сказать своему ровеснику-племяннику. С такой стороны он никогда не оценивал Аликс и её поступки. Впрочем, князь мог поклясться, что так никогда не смотрел на нее и её муж, во всяком случае, до болезни...

³ Ссора (*фр.*).

⁴ Честолюбива (*фр.*).

– Никки, умоляю, объясни, – наконец выдавил из себя князь, – что тут произошло пока меня не было?

Император отвернулся от князя и подошёл к окну, набивая трубку и наблюдая за печальным осенним пейзажем.

– Я почти умер... да нет, не почти, а совсем, – глухо произнёс он, когда пауза стала уже неприличной, – но мне каким-то чудом удалось уговорить их вернуть меня обратно...

В кабинете повисла такая тишина, что стало слышно, как под абажуром лампы возится запоздалая муха.

– Никки, ты про кого сейчас? – почти шёпотом произнёс князь.

– Они недовольны мной... Мне очень много придётся исправить, – будто не слыша его, продолжал император.

– А я, а мной? – автоматически вырвалось у Сандро, после чего он прикусил губу, не переставая смотреть на императора расширенными от ужаса и удивления глазами.

– А тобой... – самодержец раскурил трубку и, наконец, повернулся к Александру Михайловичу, опять упёршись в него своим стальным взглядом. – А тобой, Сандро, они довольны... Особенно твоим демаршем после Ходынской трагедии... Они сказали, что именно так и должны себя вести ответственные товарищи...

Сказав последнее слово, император закашлялся и, прищурившись от дыма, щедро валившего из трубки, посмотрел на Сандро впервые с ироничной, но совсем не страшной, усмешкой.

– Кто они? – князь больше обозначил губами, чем проговорил вопрос, застрявший у него в горле. – Что они знают обо мне? Что они тебе рассказали?

– Они просто дали мне прочитать твою «Книгу воспоминаний», – император уже смотрел на князя испытующе, как на подопытного кролика. – Мне понравилось... – и, закрыв глаза, он процитировал на память:

«Ни один правитель, будь он императором, президентом, левым министром или же диктатором, не может себе позволить роскоши пренебречь своими ближайшими сподвижниками в распределении ответственных государственных постов. Невозможно вообразить себе Сталина, который отдавал бы предпочтение посторонним людям неопределённых политических взглядов и отстранял от власти старых возжей своей партии.

Взирая на толпу двуличных дворян, изнеженных придворных и плохих бюрократов, царь должен был понять, что он мог рассчитывать только лишь на преданность своих ближайших родственников для выполнения его предначертаний и передачи приказаний своим верноподданым, которые, потеряв веру в министров, ещё сохраняли веру в крепость императорского трона. Конечно, нельзя было требовать, чтобы Государь образовал бы совет министров из великих князей; я далёк от этой мысли. Мы просто хотели, чтобы нам позволили занимать должности в различных казённых учреждениях и преимущественно в провинции, где мы могли бы быть полезны тем, что служили бы связующим звеном между царём и русским народом».

– Но я не писал этого... – растерянно прошелестел великий князь.

– Но ведь думал! – засмеялся император и ткнул Сандро мундштуком трубки.

– И кто такой Сталин?

Император хмыкнул и вернулся к окну.

– Может быть, тот, на которого ты хочешь, чтобы я был похож?

– Никки, у меня голова идёт кругом, я не понимаю, что ты говоришь, что происходит... но в любом случае всегда можешь рассчитывать на меня. И как твой настоящий друг...

Князю показалось, что император вздрогнул, как будто его ударило током.

– Друг – это хорошо, – глухим голосом, растягивая слова, произнёс он, глядя в глаза князю. – Друг – это очень хорошо... Плохо, что друг может оказаться ненастоящим... А вот среди врагов фальшивок не бывает...

Наступила долгая, тягучая пауза, в течение которой великий князь пытался собрать в кучку разбитые вдребезги стереотипы и заранее заготовленные слова, а император, прищурившись сквозь облако табачного дыма, оценивающе разглядывал великого князя и как будто размышлял, сказать ему что-нибудь ещё или удовлетвориться уже произведённым эффектом. Театральная пауза завершилась погаснувшей трубкой, с сожалением посмотрев на которую император в очередной раз смешал в кучу мысли и эмоции собеседника:

– Кстати, насчёт врагов... Сандро, ты провёл в Японии три года, но я не нашёл в твоих докладах ничего про революцию Мэйдзи Исин, а это ведь главное, что произошло там за последние двадцать лет. Разве тебе самому не интересен этот комплекс политических, военных и социально-экономических реформ, превративших отсталую аграрную страну в одно из ведущих государств мира?

Сандро раскрывал рот, как рыба, а звука не было. Если бы царь заговорил по-японски, он удивился бы меньше. При дворе, на флоте и в армии про Японию и японцев было принято говорить исключительно в уничижительном тоне, как о цивилизационном недоразумении, которое силится, но, конечно же, никогда не будет равней Великим державам. И тут такие слова: «ведущее государство мира»... А император продолжал, будто не замечая смятения великого князя:

– Тебе придётся написать ещё один доклад, весьма обстоятельный, где перечислить всех чиновников при императоре Муцухито, которые влияют или могут влиять на принятие государственных решений. Их подробные характеристики, их сильные стороны и слабости. Принадлежность к придворным партиям и группировкам. Кто с кем дружит и кто кого ненавидит. И это надо сделать срочно... Ещё вчера...

Теперь по твоей специальности: как работает система подготовки морских офицеров? Как готовят команды боевых кораблей? Что входит в программу обучения? Кто отвечает за строительство флота? Какие отношения у него с императором и генеральным штабом? Отношения с армией? Если есть конфликты, то у кого и с кем?

Ты писал про японскую программу судостроения и не упомянул про главное – про верфи: их пропускная способность? производительность? оснащение? Как и где идёт подготовка инженеров? Сколько их вообще и на каждой верфи в частности? Фамилии и описание ведущих специалистов? Квалификация и условия содержания рабочих?..

– Никки! – обрёл наконец дар речи великий князь. – Я готов приступить к работе немедленно, однако...

– Однако, – перебил его император – это не единственное поручение, которое надо выполнить, причем выполнить срочно. Передай своему командиру адмиралу Тыртову, что мы тихо, без помпы и без лишней огласки завтра идём в Потти... Нанесём визит вежливости Николаю Михайловичу и посмотрим своими глазами на его Кавказскую дивизию... Только, Сандро, – император ещё раз резанул великого князя стальным взглядом, – тихо, без помпы и без лишней огласки, договорились?

Они проговорили ещё почти два часа, тепло попрощались, и потом император долго смотрел в окно на удаляющуюся ладную фигуру Сандро, выстукивая мундштуком по ритм марша и бормоча про себя:

– Мальчишка... капризный, избалованный мальчишка... Впрочем, за неимением гербовой, придётся писать на простой...

Совершенно другие мысли и эмоции бушевали в голове великого князя, наслаиваясь друг на друга, перекрещиваясь и превращаясь, в конце концов, в дикую боль в висках и затылке:

– Никки! Наш простодушный и наивный Никки! Как же его изменила эта болезнь! Какой он стал... твёрдый, как камень, и какой-то далёкий. Вроде стоит рядом, а впечатление, будто на другом берегу... Да-да, люди, постоявшие на краю, меняются, но чтобы так сильно... Этот колючий взгляд и эти его слова, резкие, как выстрел... Однако... Однако он сказал, что наш

демарш после Ходынки был единственно правильным решением... и его благодарность, что спас его от заговора... дорогого стоит. Хотя какой заговор? Аликс и заговор – какая чушь! Но ведь если Никки думает, что комплот существовал, и я – спаситель, значит... значит, не надо его в этом разубеждать...

Что ещё... Мой «Проект обновления русского флота»... Никки сказал, что мы обязательно вернёмся к нему... Но вот только зачем он сунул под нос мою фотографию на мостике подводной лодки и попросил собрать всю информацию про эти несерьёзные лоханки? Да, всё-таки не моряк Никки, совсем не моряк... Ну, хоть согласился, что Либаву надо обязательно разменять на Мурман... Ох, и визгу будет в салоне генерал-адмирала!..

Историческая справка

После ходынской трагедии великие князья Александр и Николай Михайловичи требовали у Николая II отменить коронационные торжества, а когда он отказался – демонстративно покинули их. Вот что об этом писал сам Александр Михайлович:

«Пять тысяч человек было убито, ещё больше ранено и искалечено. В три часа дня мы поехали на Ходынку. По дороге нас встречали возы, нагруженные трупами. Трусливый градоначальник старался отвлечь внимание царя приветствиями толпы. Но каждое “ура!” звучало в моих глазах как оскорбление. Мои братья не могли сдержать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки великого князя Сергея Александровича и прекращения коронационных торжеств. Произошла тяжёлая сцена. Старшее поколение великих князей всецело поддерживало московского генерал-губернатора.

Мой брат великий князь Николай Михайлович ответил дельной и ясной речью. Он объяснил весь ужас создавшегося положения. Он вызвал образы французских королей, которые танцевали в Версальском парке, не обращая внимания на приближающуюся бурю. Он взывал к доброму сердцу молодого императора.

– Помни, Никки, – закончил он, глядя Николаю II прямо в глаза, – кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей останется неизгладимым пятном на твоём царствовании. Ты не в состоянии воскресить мёртвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях. Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую.

Вечером Император Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка. Мы, четверо, покинули балную залу в тот момент, когда начались танцы, и этим тяжко нарушили правила придворного этикета».

Ноябрь 1900-го. Ливадийский дворец.

Генерал Ширинкин

Император не спеша обходил и закономерно не узнавал Ливадийский дворец, в котором в феврале 1945 года он вместе с премьером Британии сэром Уинстоном Черчиллем и президентом США Франклином Делано Рузвельтом подписал «Декларацию об освобождённой Европе» и «Соглашение о вступлении СССР в войну с Японией». В 1900 году Белый дворец ещё не был построен, и вместо него окружающую природу сомнительно украшала квадратно-гнездовая конструкция с нелепейшей баллюстрадой и цветочными вазами на крыше.

Хотя больше, чем ностальгические воспоминания о прошлом-будущем, императора занимала служба безопасности, которая ему понадобится очень скоро, если он доведёт свои революционные планы до стадии реализации.

Охраны, на первый взгляд, было много: казачий конвой, рота дворцовых гренадеров, железнодорожный полк, дворцовая полиция, Особый отряд охраны, а также чуть ли не рота агентов в штатском. Мышь не проскочит!

Однако...

«Аккурат во время нарастающего революционного террора крестьянин Архипов, 21 года, без определённого места жительства, около двух часов июльской белой ночи, подошёл со стороны Дворцовой площади к ограде сада Зимнего дворца, выждал, когда городской удалится в сторону Дворцового моста, и лихо перемахнул двухметровую решётку сада. В охраняемом саду он незамеченным провёл два дня и две ночи. Днём он отлёживался в кустах, ночью гулял по дорожкам царского сада, а затем, оголодав, пролез через открытую форточку во дворец, в квартиру княгини Голицыной, пробыл там около часа и, взяв “по мелочи” из вещей, вылез обратно в сад. Архипов дождался, когда городской отойдёт от ограды, и тем же путём благополучно удалится с охраняемой территории.

Самое удивительное то, что через три дня он добровольно явился обратно и сдался Дворцовой охране. Когда Архипов дал свои показания, все были в шоке и сначала не поверили ему, считая, что “трудно допустить возможность укрыться в сравнительно негустых кустах при таком большом числе работавших в саду людей”.

Однако Архипов показал место, где он перелез через ограду, и место, где отлёживался, пока садовники работали в саду. Мотивировал он своё проникновение в царский дворец тем, что собирался якобы лично просить царя “об отправлении его добровольцем в действующую армию”. Случай был из ряда вон, но дело замяли и ограничились тем, что добавили ещё один пост охраны около Иорданского подъезда» (из книги «Царская работа»).

Обойдя ещё раз здание, император поморщился, оценив, насколько примитивно была организована охрана первых лиц государства в царское время. Нелепые окопчики для постовых, служащие исключительно одной цели – меньше попадаться на глаза охраняемому лицу, не давали хорошего обзора прилегающей территории и не создавали преимуществ в случае реального боя, ибо были мелки и располагались не так, чтобы было удобно отражать нападение, а так, чтобы создавать как можно меньше неудобств обитателям резиденции. Каждый из постов, имеющий крайне узкий и неудобный обзор, нёс службу без всякого визуального контакта с соседями и не мог рассчитывать на их помощь в экстренной ситуации.

Император остановился и внимательно оглядел окрестности. Гора Могаби, на склоне которой разместился дворец, давала шикарные возможности для самых разнообразных вариантов нападения, что стало головной болью для охраны при встрече с Черчиллем и Рузвельтом в 1945-м, и потребовало привлечения аж семи полков войск НКВД, усиленных двумя бронепоездами и флотилией из шести кораблей. А сейчас... Остаться здесь надолго просто опасно. В движении – жизнь! Надо не забывать об этом и вспомнить, кроме прочего, старые навыки подпольщика. Тренировки начнём немедленно...

Находящийся на номерном посту жандарм, удивлённый таким долгим созерцанием государем безжизненного склона, внимательно осмотрел гору, попытавшись найти хоть что-нибудь, заслуживающее внимания, а когда, устав от этого бесполезного занятия, перевёл взгляд обратно, дорожка перед дворцом была пуста, как будто никакого царя там вообще и не было,

и только панически метались по саду агенты в штатском, потерявшие визуальный контакт с охраняемым лицом...

* * *

Руководитель личной охраны царя Евгений Николаевич Ширинкин был довольно состоятельным человеком. Он располагал доходами, которые ему приносило его имение Берёзовка, находившееся в Богучарском уезде Воронежской губернии, и вполне мог жить припеваючи без этой нервной работы, требующей полного самоотречения и постоянной концентрации внимания.

Но Евгений Николаевич был человеком идейным и относился к службе как к некоей миссии, доверенной свыше, и потому отдавал себя ей целиком и без остатка. Хотя годы брали своё – всё же почти шесть десятков лет, из них – сорок в строю: первое офицерское звание генерал получил в далёком 1862-м. Николай II был третьим императором, которому он служил верой и правдой. «Слуга – царю, отец – солдатам» – это было как раз про него.

Именно он вместе с П.А. Черевиным и И.И. Воронцовым-Дашковым превратил Дворцовую полицию в настоящую спецслужбу. Общительный, энергичный и проницательный, к подчинённым он относился с той несколько покровительственной любезностью, которая свойственна лицам, твёрдо стоящим на высоком посту. Часто приглашал сослуживцев к себе на обед или поиграть в карты и был хлебосольным и радушным хозяином. Угощая офицеров армейской охраны, Ширинкин не забывал о своих обязанностях и не оставлял попытки вербовать армейские чины, которых привлекали к охране императорских резиденций.

Но сейчас он хотел не вербовать, а карать, и любезность его испарилась, высохла, как роса на траве в жаркий день. За время болезни императора сотрудники несколько расслабились и даже не заметили, как охраняемое лицо выскользнуло из своих покоев и отправилось гулять в неизвестном направлении, пройдя незамеченным мимо всех постов.

Подняв дворцовую охрану «в ружьё» и раздав «всем сёстрам по серьгам», генерал стоял на открытом балконе и ждал доклады от поисковых групп, созерцая ливадийские красоты и пытаясь оценить ситуацию. Успокоиться не получалось. «Похитили? Социалисты? Турецкие агенты?» – эти мысли крутились в голове и причиняли генералу почти физические страдания.

Ширинкин даже не заметил, как одна его рука с силой обхватила эфес сабли, а другая выбивала нервную чечётку по балюстраде. «Чёрт, чёрт, чёрт! Да где же он?» – не выдержал генерал, с силой бросив клинок в ножны.

– Зря вы так волнуетесь, Евгений Николаевич, – откуда-то снизу раздался глухой голос. Ширинкин перегнулся через перила. Император стоял у кустов чайных роз, защищённый ими от посторонних глаз, и, вооружённый садовыми инструментами, с явным удовольствием орудовал ими, приводя в порядок растение.

Птицей слетев по крутой лестнице, запыхавшийся Ширинкин чуть не сбил входящего в холл императора, буквально повиснув на массивной дверной ручке и погасив скорость движения только за счёт попытки сорвать дверь с петель.

– Евгений Николаевич, – послышался над головой смеющийся голос самодержца, – знаете, почему генералам надо строжайше запретить бегать?

Сам тон царя, как и вопрос, был настолько неожиданным, что Ширинкин проглотил все слова, непонимающе покрутив головой.

– Генералы не должны бегать, потому что в мирное время это вызывает смех, а в военное – панику... – протянув руку и помогая Ширинкину вернуться в устойчиво-вертикальное положение, доверительно сообщил ему император. – Не ругайте подчинённых, Евгений Николаевич, они просто действовали по шаблону, реагируя исключительно на мои передвижения,

хотя реагировать надо совсем на другое. Да и что толку от них всех в пяти шагах вокруг меня, если не взяты под контроль склоны горы, откуда дворец просматривается как на ладони.

– Но позвольте, ваше величество, – к генералу, наконец, вернулась речь, – злоумышленникам нет смысла располагаться так далеко, они же должны подойти на расстояние прямого выстрела.

– Так это и есть расстояние прямого выстрела, – усмехнулся император, – если, конечно, стрелять не из револьвера, а из чего-то более солидного. Какова, например, прицельная дальность боя винтовки Мосина? – прищурившись, огорошил он вопросом мгновенно побледневшего генерала и, не давая ему опомниться, продолжил: – А ведь есть ещё пулемёты, горные орудия...

– Ваше величество, но ведь бомбисты...

– Генерал! – недовольно поморщился царь. – Времена «Народной воли» стремительно уходят в прошлое. Сейчас уже другие возможности и совсем другие нравы. Изготавливать бомбу, ежесекундно рискуя взорваться, делать подкопы и бить шурфы, прорываться с револьвером сквозь кордоны ваших людей... Зачем, если все «проблемы» может решить один бекастик с хорошим «маузером» и оптическим прицелом Августа Фидлера. Не знаете? Очень рекомендую. Если в войнах за объединение Германии дальность действительного винтовочного огня составляла триста-четыре шага, то сейчас она уже составляет полторы-две версты.

– Ваше величество, я сильно сомневаюсь, что наши малограмотные террористы имеют столь значительные познания в технических новинках и навыки применения их на практике.

– А почему вы решили, что опасаться надо в первую очередь экзальтированных фанатиков? От кого вы меня охраняете? Кто является главным врагом, способным нанести удар исподтишка?.. Не отвечайте сразу, подумайте... А чтобы вам не скучно было думать, соберите людей из жандармских по списку, который я для вас составил. Пусть каждый из них подготовит свой доклад основных угроз престолу и Отечеству. Совещание мы проведём в Баку, а сейчас приготовьтесь сами и возьмите пару самых неразговорчивых сотрудников – мы отправляемся в небольшую морскую прогулку, о которой не требуется знать всему свету. Вы меня хорошо поняли?

Ширинкин, козырнув, ещё долго стоял в фойе, провожая императора взглядом и пытаясь понять, что от него и от других жандармов хочет самодержец и какие изменения предстоят в его службе после ревизии злодеев?

Ноябрь 1900-го. Яхта «Штандарт». Витте

Ноябрь на Чёрном море – не самое лучшее время для морских прогулок даже в хорошей компании и под коньячок. Даже если у тебя под ногами яхта водоизмещением 5000 тонн, изготовленная на верфи Burmeister & Wain. Из-за повышенной влажности и резких порывов ветра на открытой палубе находиться холодновато, а вследствие резких, высоких и непривычно частых волн в закрытом помещении моментально развивается морская болезнь.

Может быть, из-за качки, а может быть, после разговора с императором, Сергея Юльевича Витте конкретно мутило. Яхта «Штандарт», на которую сгребли и сгрузили всех министров, рвавшихся с докладом к самодержцу, держала курс на Потти. Император непривычно долго уделял внимание каждому, попавшему к нему в приёмную. Хотя Сергей Юльевич сейчас уже думал, что правильнее было сказать «в лапы».

Традиционный доклад Николаю II, включающий обычно двадцатиминутный трёп с последующим подписанием заранее подготовленных бумаг, превратился сегодня в четырёхчасовой ад, в ходе которого Витте пришлось отвечать на такие вопросы, о существовании которых ранее он даже не подозревал.

– Как думаете, господин министр, – прервал его император на третьей минуте, глядя с прищуром на Сергея Юльевича сквозь табачный дым, – золотой рубль помогает нашим экс-

портёрам или мешает им? У вас есть данные о динамике экспорта и, главное, о развитии производства экспортной продукции в зависимости от внедрения золотого стандарта?

– Ваше величество, – медленно, после паузы, ответил сбитый с толку Витте, – золотой рубль укрепляет престиж государства. Курс рубля стабилен, как никогда, и составляет...

– Мы знаем текущий курс рубля, – махнул рукой с зажатой в ней трубкой император, – но интереснее было бы знать, зачем нашей экономике стабильность национальной валюты вообще? Какую проблему она решает? Как помогает отечественным производительным силам?

Пока мозг министра переваривал слова «отечественные производительные силы», император перешёл к вопросам, после которых удивление и тревожность Сергея Юльевича начали стремительно трансформироваться в панику.

– Правильное, управляемое изменение курса валюты позволяет принять на себя удары рынка и не допустить пагубного влияния этих ударов на остальную экономику, – в такт словам покачивая трубкой, как будто диктуя школьный урок, говорил император, – а если искусственно зафиксировать курс, то вместо валюты начнёт колебаться сама экономика, а разве это правильно? Вы не согласны? У вас есть соответствующие расчёты и статистика? – и, не дожидаясь ответа на поставленный вопрос, добавил с нажимом: – У вас должны быть такие расчёты и такая статистика... Хорошо, – продолжал император, присев на краешек кресла, – вы говорите, что золотой рубль укрепил нашу денежную систему и способствует экономическому росту. Давайте рассуждать по-простому. Что требовалось для вывоза капитала за границу, если рубль нельзя конвертировать и он не имеет свободного хождения за границей? Требовалось закупить на территории России какой-то товар, вывезти и там продать.

Император опять встал и начал мерить каюту короткими кошачьими шагами в такт своим словам:

– Приобретение товара, произведённого у нас, поддерживает нашего, отечественного, производителя, позволяет создавать и содержать рабочие места, получать прибыль. А что теперь? Чтобы вывезти капитал, достаточно получить в банке наш золотой рубль и положить его в карман. А где же производитель наших товаров? Где учёт его интересов, господин министр? И не ваш ли это всеподданнейший доклад? – император раскрыл кожаную папку с замысловатым вензелем: – «Постепенный рост обрабатывающей промышленности в стране, всегда сопровождающийся удешевлением её продуктов, даст возможность и торговле пользоваться для экспорта не преимущественно сырьём, как теперь, а и промышленными изделиями, и наши нынешние потери в европейской торговле могут замениться выигрышами в азиатской. Народное благосостояние и государственные финансы, найдя себе сверх земледелия твердую опору в промышленности, приобретут значительно большую устойчивость и силу».

Ну, и как же народное благосостояние? Как мы собираемся обеспечить рост обрабатывающей, да и любой другой промышленности, если в приведённом мной примере они вообще никак не задействованы?

– Да... но... Ваше величество, – уже просто отбивался Витте, – взрывной рост экономики и благосостояния должны обеспечить иностранные инвестиции, которые находят наш золотой рубль крайне привлекательным и перспективным...

– На какой экономический рост вы рассчитываете? – уже сердито спросил император, упёршись взглядом в Витте. – Как этот рост спрягается с нашими возможностями наращивать золотой запас? Откуда будем брать золото для обеспечения эмиссии, господин министр, при вашем взрывном росте? У нас ежегодно добывается этого драгоценного металла на сумму от сорока до сорока шести миллионов рублей. И это при миллиардном бюджете! Этого недостаточно даже для обеспечения существующей денежной массы, куда уж тут до взрывной... Или опять кредиты?

Сергей Юльевич почувствовал, как по спине сползает мерзкий холодный пот. Если император заговорил про кредиты, это уже совсем горячо... А цифры, неприятные, гадкие цифры продолжали сыпаться на министра, как из рога изобилия.

– Есть, конечно, другой источник пополнения золотого запаса – внешняя торговля. За 1897–1900 годы Россия имела положительный торговый баланс, за исключением лишь 1899-го. Но за счёт уплаты процентов по заграничным займам, процентов на иностранные капиталы и с учётом сумм, расходуемых нашими подданными, а также военным и морским ведомствами за границей, общий баланс составил миллиард с четвертью рублей не в пользу России. Этот, уже неполный, миллиард мы и увидим потом в иностранных инвестициях, не так ли?

Витте сглотнул несуществующую слюну и закашлялся. Император улыбнулся, налил воды из графина и, заботливо протянув министру, продолжил, слушая, как стучат о стекло зубы Сергея Юльевича:

– За всё время реформ Россия уплатила процентов и срочных погашений по государственным и частно-промышленным бумагам 4,4 миллиарда рублей. Если к этому добавить расходы русских за границей – 1,37 миллиарда рублей, то окажется, что Россия за период с 1882-го по 1900 год перевела на Запад без малого 6 миллиардов рублей, и не абы в чём, а в золоте! А сколько получила в обмен инвестиций? Аж 788 миллионов рублей – 590 в акциях и 198 – в облигациях! Вам не кажется, что такой обмен сложно назвать равноценным?.. Таким образом, – вздохнул император, доставая последний листок с цифрами, – за неполные десять лет экономика России потеряла пять миллиардов двести двенадцать миллионов золотых рублей – больше, чем Франция заплатила Германии репараций за поражение в войне 1870 года, на которые Германия с успехом провела у себя индустриализацию... Вы не хотите никак прокомментировать баланс этих цифр, господин министр, а заодно назвать основных выгодополучателей, которые так прибыльно инвестируют в нас наши же деньги?

Витте почувствовал, как стены кабинета теряют свои очертания и расплываются. А ведь день так хорошо начинался...

– Сергей Юльевич, – откуда-то издали донёсся голос самодержца, и этот голос был отчётливо ироничен.

«Чёрт, да он издевается! – птицей в клетке метались в голове Витте сумбурные мысли. – Надо собраться! Собраться и дать отпор! Не молчать! Только не молчать! Говорить всё, что угодно, лишь бы отвлечь... Хотя нет, отвлечь не удастся... А может быть, тогда упасть без чувств и сослаться на качку?»

– Сергей Юльевич, господин министр, – прозвучало ещё раз уже в непосредственной близости. Витте усилием воли сфокусировал зрение и отпрянул – на него смотрели глаза, чьи угодно, но только не хорошо знакомые глаза Николая II – голубые, скучающе-рассеянные глаза великовозрастного гедониста. Сейчас об этот взгляд можно было порезаться.

– Я не давал команды падать без чувств, господин министр, – глухим голосом продолжил император. – Я скажу, когда это можно будет делать, когда это будет правильно и даже необходимо, а пока не соблаговолите ли прояснить, чья была идея – приравнять долг в серебре к эквиваленту в золоте, да ещё по такому курсу, что наши обязательства увеличились сразу на пятьдесят процентов?

Сердце Витте ухнуло в преисподнюю. Эта «идея» материализовалась, когда при переходе на золото Россия перевела на новый золотой рубль и все свои прежние долговые обязательства, заключенные в серебряных рублях. Один только государственный долг по внутренним займам, перешедший большей частью в руки Ротшильдов, составлял в 1897 году три миллиарда рублей – в весе слитков серебра это 70 312 тонн. Переводя же этот трехмиллиардный долг на новый золотой рубль без оговорки, его вес в серебре увеличили на 25 304 тонны. Именно после этой операции Витте стал рукопожатным лицом среди банкиров, а вот теперь имеет риск стать своим среди каторжников.

Остаток разговора Сергей Юльевич помнил смутно. Встряхнулся он только в конце, когда император, насмешливо глядя ему в переносицу, попросил никуда не отлучаться и зайти ещё раз – вместе с министром путей сообщения для доклада, почему первоначальная смета Транссиба в 300 миллионов рублей уже сейчас превышена более чем в два раза?

Теперь министр финансов Российской империи Сергей Юльевич Витте сидел в приёмной, и ему было дурно. Точно так же дурно было и сидящему рядом с ним управляющему министерством на Певческом мосту – Владимиру Николаевичу Ламздорфу. Вопросы «Что делает МИД для урегулирования отношений с Китаем после восстания ихэтуаней и какую выгоду извлечёт Россия из участия в коалиции?» поставили дипломата в тупик, а контрольным выстрелом в голову оказался вопрос: «Что делает МИД для сбора информации о зверствах британцев в Южной Африке и каким образом он планирует использовать данные о тактике выжженной земли, концлагерях и прочих нецивилизованных методах войны против буров?»

А император в это время сидел за рабочим столом и в сотый раз обводил карандашом написанное во весь лист слово «тезаврация» – накопление золота частными лицами в качестве сокровища. Он уже проходил эту историю, причём два раза. Первый – с николаевскими золотыми червонцами, второй – с советскими. И оба раза вместо того, чтобы быть инвестированными в экономику, золотые деньги переходили в карманы частных лиц и там благополучно оседали. До самого тридцать шестого года носили наши граждане в торгсин припрятанные в начале XX века николаевские золотые десятки. Кроме того, тезаврированное золото тоннами уходило за границу в карманах представителей вырождающегося дворянства и нарождающейся буржуазии – и те, и другие, как известно, любили прожигать жизнь в Париже или в Ницце. Да и простой мещанин не гнушался тем, чтобы смастерить из червонца зубные протезы или оправу для пенсне. Крестьяне же и заводские сплошь и рядом делали из червонцев обручальные кольца.

А в это время экономика задыхалась от недостатка оборотных средств. На 1 января 1901 года денежных знаков в России было всего по 37 франков (в пересчёте с рубля) на каждого жителя. В том же году в остальных государствах денежных знаков на каждого жителя приходилось (в пересчёте на франки): в Австрии – 50 франков; в Италии – 51 франк; в Германии – 112 франков; в США – 115 франков; в Англии – 136 франков; во Франции – 218 франков.

Простое население России, включая мелких чиновников и младших офицеров, отнюдь не жировало и накоплений не делало. На одного жителя приходилось 9 рублей 84 копейки вкладов, а во Франции (в пересчёте) – 45 рублей, в Австрии – 67 рублей, в Германии – 87 рублей, в Дании – 158 рублей.

Просто рядом с этим очень небогатым населением существовала группа жирных котов, которые держали в своих руках три четверти всей денежной массы, вкладывая в экономику хорошо если десятую часть, да и то только в те отрасли, которые сулили быструю и, главное, максимальную прибыль. В 1900 году их доход, полученный от биржевых сделок, превысил доходы от производства товаров. И это на фоне катящегося по России кризиса, в ходе которого до 1903 года закрывается больше 3000 предприятий, и армия безработных станет главной мобилизационной силой для революции 1905 года. Но «котов» ни разу не волновали долгосрочные интересы империи, дисбалансы в экономике, транспортная и климатическая ловушки, рушащееся под тяжестью долгов сельское хозяйство и катастрофическое положение с промышленностью, вследствие чего Россия вынуждена была импортировать даже такую мелочь, как спички.

Министр внутренних дел Н.П. Игнатьев ещё в 1881 году следующим образом охарактеризовал экономическое положение страны: *«Промышленность находится в плачевном состоянии, ремесленные знания не совершенствуются, фабричное дело поставлено в неправильные условия и много страдает от господства теории свободной торговли и случайного покровительства отдельных предприятий».*

Задача стоит нетривиальная – изъять у жирных котов омертвлённый капитал и вложить в промышленность, причём сделать это надо так, чтобы они не успели встревожиться и перепрятать. Будут сопротивляться – оторвать вместе с руками! Иначе шанса у России в предстоящей битве за выживание нет ни одного. XX век, в Европе начинается гонка моторов, и на крестьянской худой лошадке её не выиграешь.

Он уже проходил это во время индустриализации. Тогда со скрипом, на жилах, но всё получилось. Должно получиться и сейчас.

Жаль только, что в политике кратчайший путь между двумя точками отнюдь не всегда прямая. Опять придётся начинать с формирования целой системы сдержек и противовесов – дружить с тем, кто слабее, против того, кто сильнее, двигаясь к своей цели замысловатыми зигзагами, продумывая каждый шаг и ступая как по минному полю, где над всеми взрывоопасными сюрпризами небоскрёбами возвышаются две царь-мины – сословно-кастовое общество, за которое цепляются и отчаянно тормозят социальные лифты, и огромная масса разорившихся и голодающих крестьян, которых просто некуда приткнуть и нечем занять – земли не хватает, целину поднимать нечем, дороги отсутствуют, сельхозтехники почти нет. Заводов, куда можно было бы перенаправить эту голодную армию, не существует даже в проекте. И революционный лозунг «Земля – крестьянам!» проблемы не решает, а совсем наоборот... Как тогда, в 1918-м...

1918. Петроград.

Земля – крестьянам!

Споры с первым народным комиссаром по земле эсером Андреем Колегаевым всегда были жаркими, шумными, с моментальным переходом на личности, как и полагается наиболее близким по духу революционным партиям.

Ленин для Андрея Лукича авторитетом никогда не являлся. Его партию эсеров на селе поддерживало три четверти населения, поэтому на большевиков он смотрел свысока, считая их выскочками-интеллигентами. Сам Колегаев был боец, крови не боялся, в недалёком дореволюционном прошлом охотно участвовал в терактах и эксках. Был далеко не робкого десятка.

И вот этот однозначно сильный человек сидел на продавленном диване, раскачиваясь, как китайский болванчик, и, остекленело глядя в одну точку, бормотал: «Какой провал! Какие разрушения!...»

Колегаев, уйдя в отставку в знак протеста против заключения Брестского мира, уехал в «свою вотчину» – Казанскую губернию – с высоко поднятым «забралом» делать «правильную революцию». И вот, насмотревшись на результаты реализации эсеровской программы по социализации земли, полюбовавшись на претворение вековой мечты крестьян о помещичьей земле, появился весной 1918 года в Кремле в полностью разобранном и деморализованном состоянии.

– Поместья разграбили, инвентарь растащили по домам, машины и технику, что не увезли – раскрутили, поломали... Понимаете? – Колегаев поднял на собеседников полные слёз глаза. – Эти машины могли бы всё село прокормить, а они их в огонь! Дикость! Варварство! Ни себе, ни людям! Разрушены и разграблены самые крупные и самые работоспособные латифундии, которые в хороший год давали четыре пятых зерна в губернии. Сначала отобрали и поделили землю у помещиков, потом дошли до зажиточных и даже до середняков. И всё равно крестьянские наделы увеличились лишь на понюшку – где на две, а где и на две десятых десятины...

Колегаев взял протянутый ему стакан с чаем, благодарно кивнул, жадно хлебнул горячий напиток и продолжил голосом человека, за один день похоронившего всех родственников:

– И вот весна. Пахать нечем и не на чем. Семенной фонд отсутствует... Товарищи! Уже осенью будет голод!!! Что делать?!!

Нарком продовольствия Цюрюпа тяжело поднялся со стула, подошёл к окну и начал выбивать барабанную дробь по стеклу...

– Н-да... и ведь предупреждали – легче на поворотах, иначе все седоки могут вылететь из телеги!!!

– А что вы, батенька, хотели? – со своим фирменным прищуром перегнулся через стол Ленин. – Передел земли начался явочным порядком ещё при «временных». наших людей и пулемёты не остановили бы. Крестьянин – он ведь максималист по своей натуре. Сама природа, с которой он единое целое, веками учила его этому, чередуя урожайные годы с обычными и неурожайными. Урожай – всё замечательно, неурожай – ложись и помирай. Формула максимализма: всё или ничего, пан или пропал. А что скажет наркомат по делам торговли и промышленности? Будет на что выменять осенью хлеб?

– Владимир Ильич, – прокашлявшись, встал из-за стола Мечислав Бронский, второй поляк после Дзержинского в составе Совнаркома, – точно так же, как крестьяне вместе с помещиками уничтожили аграрное производство, рабочее самоуправление развалило и разворовало отобранные у буржуев заводы и фабрики. Промышленность не работает. Самый ходовой товар сегодня – кустарные зажигалки из патронных гильз. Вот их и собирают, меняя на самогон и муку.

– «Вострые» мужички, разграбив усадьбы помещиков и разделив между собой землю, отнюдь не горят желанием немедленно накормить город, – вставил слово недавно прибывший из Рязанской губернии новый нарком земледелия Семён Середа. – Наоборот – хлеб придержат до лучших времён.

– Ну, что ж, – задумчиво произнёс Цюрюпа, возвращаясь за стол – если хлеб нельзя ни купить, ни обменять, если деньги ничего не значат, а обменный фонд промышленных товаров отличается крайней скудостью... Хлеб можно будет только отнять. Объявим продовольственную диктатуру, мобилизуем пролетариат и армию на изъятие хлебных излишков.

– Пусть так, – Ленин хлопнул ладонью по столу. – Товарищ Цюрюпа, приготовьте, пожалуйста, текст постановления – я завизирую. В основе нашей «тактики» должен лежать тот принцип, как вернее и надёжнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны...

Сталин был единственным советским министром, кто не подписал воззвание Совета народных комиссаров «Все на борьбу с голодом!». Вчера дать землю, а сегодня отнять скудный урожай, который крестьянам удалось вырастить, он считал делом вредным и смертельным для самой революции.

Обошлись и без него. Ленин, Троцкий, Цюрюпа, Луначарский, Чичерин, Шляпников, Ландер, Гуковский, Винокуров, Петровский были уже мыслями в мировой революции, откуда предстоящий конфликт с деревней казался ничтожным и не заслуживающим внимания. Лидеры большевиков не уточняли, как определять принадлежность крестьян к кулачеству. В результате продотряды, столкнувшись с зажиточными хозяйствами, поголовно причисляли крестьян к кулакам со всеми вытекающими последствиями.

«Правда» опубликовала воззвание 1 июня 1918 года, и крестьяне бросились прятать урожай. Началась битва за хлеб. Опять появились мародёры и садисты, набившиеся в продотряды, как раньше в Красную гвардию. Тревожные письма с мест о расправах и злоупотреблениях. Распоротые и набитые зерном животы продотрядовцев, расстрелянные семьи «кулаков и подкулачников». Сгнившие схроны пшеницы. Тонны продовольствия, бездарно загубленного при перевозке и хранении. И много крови. Кровь на мандатах, на пшеничных зёрнах и на руках трудового пролетариата, воюющего с трудовым крестьянством...

...В этот раз надо учесть ошибки и не допустить. Раскулачивать всё равно кого-то придётся, список жирных котов уже готов, и надо решить, кто будет в этом списке первым? Хотя

с чего это царь должен заниматься такими вопросами? Пусть думают министры-капиталисты. Пусть сами выбирают среди своих жертвенную овцу, которую мы принесём на алтарь борьбы с голодом. Главное – уцелеть на первом, самом опасном этапе. Поэтому как на войне – максимум тумана и минимум информации о направлении главного удара.

Лондон. Ноябрь 1900 года

Мухаммад Абдул Карим, или просто Мунши, секретарь стареющей и уже очень больной Виктории, только что вернувшийся из Индии, вошёл в покои королевы Британии и аккуратно кашлянул.

Задремавшая прямо в инвалидном кресле-коляске, «женщина-эпоха» чуть вздрогнула и устало подняла глаза на своего фаворита. Она уже знала, что он – последний. Да и вообще, всё вокруг было уже безвозвратно уходящим. Однако королевский долг и масса незаконченных дел заставляли «бабушку Вику» нечеловеческим усилием воли возвращаться к государственным делам, которые, как она считала, невозможно было поручить никому другому.

– Ну? – метнула в секретаря короткий вопрос Виктория и слабым движением руки пригласила Мунши к разговору.

– Срочная депеша из России, ваше величество! Ваша внучка Аликс просит помощи. Царь бесцеремонно выставил её из дворца и заставил вернуться в Санкт-Петербург после неудавшегося комплота, а сам, ещё не оправившись от... – Мунши задумался, как правильнее сформулировать «болезнь» царя, но не нашёл нужных слов и решил пропустить неудобную фразу, – сам отправился на яхте с инспекцией войск на Кавказ. Аликс спрашивает, что ей делать?

Королева Виктория сжала подлокотник кресла так, что побелели костяшки пальцев, а лицо, наоборот, приобрело цвет спелого помидора.

– Какая же она дура! – с чувством выдохнула королева, моментально забыв о своём плохом самочувствии и полной апатии. – Мунши! Так и напиши ей! Не умеешь – не берись, а раз взялась – не останавливайся! Этот инфантильный полумонарх – её муж – нам нужен именно в таком состоянии, в каком он был всегда с момента знакомства с ней! Варёный овощ на троне России – что может быть большим подарком? Он нам не нужен больным, низложенным и тем более – мёртвым! Нам нужно, чтобы он вернулся в своё привычное созерцательно-отстранённое состояние и ни во что не лез! Санни надо снова заставить его смотреть только на неё и не замечать вообще ничего вокруг... Ну что ей не хватало, Мунши? Чего ей недоставало? Живи, восхищай собой и радуйся, что рядом с тобой этот влюблённый варвар на поводке...

– Причём конец этого поводка находится в ваших руках, – автоматически добавил Мунши и прикусил губу.

Королева смерила секретаря долгим ледяным взглядом и, усмехнувшись только кончиками губ, продолжила:

– А эта дура полезла напролом к трону! Передай идиотке, что она должна исправить всё сама – пусть едет обратно к нему, пусть клянётся в верности, валяется в ногах, пусть хоть в рубище идёт за ним пешком, но вернёт его расположение и внимание. А если она этого не сделает, то пусть на мою благосклонность не рассчитывает – отправлю на историческую родину в Гессен коровам хвосты крутить!

– Ваше величество, но Аликс, в её положении... вряд ли это было бы разумно...

В следующие пять минут королева Великобритании продемонстрировала секретарю, что она не даром правит морской державой и её знания лексикона высшего аристократического общества вполне органично дополняют крепкие словечки и солёные выражения из расширенного словаря боцманов Роял Флит и грузчиков Ливерпуля. Не дождавшись окончания монаршего монолога и пятясь задом, Мунши предусмотрительно покинул помещение, а королева обессиленно откинулась на спинку кресла и, закрыв глаза, скрипнула зубами...

...Её горячая, глубокая и такая искренняя ненависть к России началась совсем с других чувств, которые вызвал наследник императорского престола Александр Николаевич – будущий император Александр II.

Боже мой, как давно это было! За 62 года до начала XX века. Виктория с любопытством ждала встречи с этим «диким русским медведем», который наверняка не способен и двух слов сказать без переводчика, и заранее высмеивала с подругой – баронессой Лезен – неуклюжие аляповатые манеры, ибо других просто и быть не могло у представителя «северной варварской страны».

Бедная маленькая неискушённая Вика! Бедные придворные британской короны! Им бы не хихикать, а вопить что-нибудь паническое, как в Великую Отечественную вопили немцы: «Ахтунг, ахтунг! В воздухе Покрышкин!!!»

На счету старшего сына Николая Первого, этого сексуального истребителя, побед на амурном фронте было никак не меньше, чем у прославленного советского лётчика – сбитых асов люфтваффе.

Скучный монотонный быт Букингемского дворца оказался явно не готов к встрече с высшим петербургским обществом, по своей куртуазности и игривости не уступавшим парижскому. Когнитивный диссонанс, который случился с королевой Британии при встрече с русским принцем, был многократно усилен его вышколенной блестящей свитой, а также «скромными подарками» стоимостью в годовой бюджет Букингемского и Виндзорского замков, вместе взятых, преподнесёнными наследником русского престола с лёгкой небрежностью.

Итоги встречи британской бледной немочи с русским кавалергардским натиском материализовались после первого же бала, устроенного английским двором в честь высокого русского гостя. Адьютант Александра Николаевича полковник С.А. Юрьевич записал в дневнике: «На следующий день после бала наследник говорил лишь о королеве... и я уверен, что и она находила удовольствие в его обществе». В дневнике королевы слова были более романтическими: *«У него красивые синие глаза, короткий нос и изящный рот с очаровательной улыбкой. Я нашла Великого Князя чрезвычайно привлекательным, с располагающим приятным характером, таким естественным, таким весёлым».*

Встречи продолжились, время увеличилось, география расширилась. Королева ради них изменила свой рабочий график, откладывая на потом важные дела или перепоручая их премьеру. А в её дневнике появились откровенные признания: *«Мне страшно нравится Великий Князь, он такой естественный и весёлый, и мне так легко с ним».*

Александр Николаевич, надо сказать, вполне поддерживал такое отношение Виктории и стремился его всячески углублять. Однажды королева пригласила Александра в итальянскую оперу – и вместо того, чтобы сидеть в разных ложах, в какой-то момент молодые люди оказались в одной – цесаревич ужом проскользнул к Виктории, чтобы поболтать с ней наедине за задернутой занавеской.

Визит давно вышел за рамки официального, причём в такую область, из-за которой в придворных кругах Британии началась запоздалая паника: «Они всё чаще остаются наедине! Какой ужас! Может случиться непоправимое!..»

В шальных мыслях будущего императора действительно бродили нескромные мысли насчёт «непоправимого» с последующим присоединением к империи «этого прикольного островка в Северном море», но кто-то наябедничал папе Коле, и из Петербурга в Лондон прилетела грозная депеша: «Интрижку свернуть! Королеву забыть! Хватит гулять, марш домой!» Александр вздохнул и с сожалением прекратил осаду уже практически сдавшейся крепости, оставив молодую королеву в растрёпанных и явно неудовлетворённых чувствах.

Для того чтобы стать одновременно трусом и наглецом, импотентом и развратником, козлом плешивым и волком позорным, достаточно всего один раз сказать женщине «нет». Сейчас уже никто не сможет взвесить, сколько было геополитики, а сколько оскорблённой женской

природы в английском экспедиционном корпусе, штурмующем Севастополь во время Крымской войны, но о том, что в викторианской эпохе по отношению к России было много личного, говорят хотя бы игрушки, которые королева Виктория обожала дарить своим детям и внукам – тигр, который, если его подёргать за хвост, раскрывает зубастую пасть и глотает солдата в русской форме.

Виктория лично провожала английскую эскадру, отправляющуюся воевать с русскими в 1853-м, а в 1878 году писала премьеру Дизраэли: *«Если русские возьмут Константинополь, королева будет так оскорблена, что, наверно, сразу отречётся от престола»*. Личная русофобия королевы Виктории настолько удачно наложилась на экономические интересы британской элиты, что стала знаменем, под которым Британия прожила всю вторую половину XIX века и бережно перенесла его в XX.

«Как тяжело жить, когда с Россией никто не воюет», – озвучил маниакальные мысли своей госпожи лорд Пальмерстон в парламенте. Причём воевать неистовая королева собиралась не только пушками и штыками. Это значило гадить непрерывно, повсеместно и изобретательно.

В правление королевы Виктории Лондон превратился в центр политической эмиграции, где любой плевок в сторону России становился одновременно индульгенцией и основанием для материальной поддержки плюющего. Настоящей находкой и первым пробным шаром в информационной войне с Россией стал русский эмигрант Герцен, которого на свою голову разбудили декабристы.

«Россия налегла, как вампир, на судьбы Европы», – заявил Александр Иванович и сразу получил политическое убежище, двухэтажный особняк Orsett House в престижном районе Bayswater с видом на Гайд-парк и вспомоществование, позволяющее содержать политический салон, издавать альманах «Полярная звезда», газету «Колокол», право использовать адрес банка Ротшильдов для своей корреспонденции.

Почувяв дармовое корыто, в Британию хлынули самые разномастные проходимцы, ставшие в момент политическими изгнанниками, коллективный портрет которых запечатлел Фёдор Михайлович Достоевский в образе отцеубийцы Павла Смердякова:

«Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна... В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы, умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки».

В Лондоне планировали свои теракты народовольцы и эсеры, там же они отсиживались, скрываясь от российского правосудия. Безбедно и вполне комфортно в Лондоне творили Маркс с Энгельсом, объявившие русских реакционной нацией. Именно в Лондоне, в конце концов, проходили три из пяти съездов РСДРП.

Кроме Герцена и самых разнообразных революционеров, у королевы Виктории был ещё целый шкаф русофобских погребушек, которые она доставала по мере надобности. Но вся эта околореволюционная возня не отменяла, а, наоборот, органично дополняла постоянные интриги против российского престола, организуемые с улыбкой на лице и с кинжалом за спиной.

Подложить под русский престол генетическую мину, сплавив носителя гемофилии – «Солнце Аликс» – наследнику, влюблённому в неё до зелёных соплей, было солидной геополитической удачей, требующей, тем не менее, дальнейшего развития, над которым английская монархия работала вдумчиво и настойчиво. И вот это глупое и несвоевременное покушение, коряво задуманное и бездарно осуществлённое!.. Теперь придётся что-то переигрывать и как-то исправлять... И это на фоне ухудшающегося здоровья. Как всё не вовремя!..

Через полчаса депеша в Россию была готова, и Мунши с поклоном передал королеве листок с лаконичным и кратким, как залп главного калибра британского флота, текстом:

«Дорогая моя девочка Санны!

С огромным прискорбием узнала о досадном недоразумении, которое произошло в твоих отношениях с нашим нежно любимым Никки. Не сомневаюсь, однако, что ты, обладая поистине царственной мудростью и ангельским смирением, сможешь разрешить его быстро, изящно, элегантно, как ты умеешь это делать, к всеобщему удовольствию сторон. Буду молиться за тебя, здоровье твоих детей и твоего дражайшего супруга. Твоя бабушка Вика».

– Да-да, – ознакомившись с текстом, кивнула головой королева, – это именно то, что я хотела сказать. Спасибо, Мунши! Ты делаешь то, что мне надо, а не то, что я хочу. Я ценю это. Отправить немедленно. И вот ещё что... Найдите того умника, кто убедил Аликс, что она может повторить судьбу Екатерины Второй...

Ноябрь 1900-го. Яхта «Штандарт».

Совет с министрами

Император стоял в самом углу салона и, набивая трубку, исподлобья внимательно наблюдал за министрами. Лица разной степени помятости отражали как непрестанную изматывающую качку, так и результат вчерашних докладов, плавно переходящих в задушевные разговоры, в ходе которых вопросы императора заставляли бледнеть, краснеть и тоскливо поглядывать на дверь в ожидании окончания «дружеской непринуждённой беседы».

Министр просвещения Боголепов так и не смог сказать, что делать с непрекращающимися с 1899 года студенческими беспорядками. Также не смог сформулировать, сколько и каких специалистов его ведомству требуется подготовить, чтобы удовлетворить потребности страны в инженерах, агрономах, врачах, учителях. Обещал уточнить, посоветовавшись с коллегами. Однако, судя по поникшей голове и взгляду строго в пол, уточнений сегодня не будет. В руках папка. Скорее всего, прошение об отставке... «Нет, ты нам ещё понадобишься. Тебя очень не любит Витте, а значит, пока буду любить я...»

Куропаткин – ну, эта мышь давно ищет веник, под который можно спрятаться после неудавшегося компота Александры Фёдоровны. Глаза не поднимает, вину чувствует. Это хорошо. Самый правильный чиновник – виноватый. Будем использовать по мере необходимости.

А вот Хилков Михаил Иванович, министр путей сообщения, впечатлил и порадовал. Всё у него чётко, информативно и по делу. Этот князь, пожалуй, даст сто очков вперёд и товарищу Кагановичу – недаром корреспондент английской газеты «Таймс» подчёркивал, что князь Хилков оказался для Японии более опасным противником, чем военный министр Куропаткин...

Ну, а вот и Витте. «Так, с этим товарищем надо повнимательнее. Даже не с ним, а с теми, кто за ним стоит. Смотрит исподлобья, затаился... Ничего, это мы поправим. Подморозили – отогреем. Отпускать опасно, особенно в таком состоянии. Тем более что на его счёт имеются особые планы...»

– Итак, – подал голос император, заметив, что все собрались и ждут команды, – я рад, что побороть морскую болезнь и собраться нашли силы не только министры, но и их товарищи. Кстати, у каждого министра есть товарищи, и только высшее должностное лицо державы вынуждено работать в одиночку. Это нехорошо. Несправедливо. Есть мнение, что эту несправедливость надо исправить. У царя тоже должны быть товарищи, хорошие, достойные, надёжные...

Закончив такое краткое и неожиданное для присутствующих вступление, император повернулся спиной к аудитории и сделал несколько шагов к иллюминатору, чутко улавливая гул и шелест в салоне.

Осмотрев унылый осенний морской пейзаж, дождавшись, когда министры успокоятся и притихнут, огорошил:

– Поднимите руку, кто читал «Капитал» Маркса? Что, даже министр просвещения Боголепов не читал? А почему? Книга не запрещённая, впервые напечатана в России аж тридцать лет назад. В прошлом, 1899 году вышла новая редакция Струве. Вы в курсе роста популярности социалистов? Тогда вдвойне непонятно такое пренебрежение к новым знаниям... Новая информация – это всегда новая возможность посмотреть на привычные вещи свежим взглядом. Там ведь написаны интересные мысли, например, теория прибавочной стоимости, которую производят рабочие и крестьяне, а присваиваем мы с вами – феодалы и капиталисты...

Монарх обвёл взглядом окаменевшую аудиторию, никак не ожидавшую таких бесед на борту императорской яхты, и лукаво улыбнулся в усы.

– По мнению Маркса и Энгельса, рабочие и крестьяне производят необходимый продукт, который идёт на воспроизводство труда и капитала, и прибавочный продукт, который присваивают эксплуататоры и используют в своих целях, например, на постройку и содержание этой яхты. Все мы, здесь присутствующие, существуем благодаря прибавочному продукту, который произвели подданные империи и который мы изъяли тем или иным способом. Надеюсь, возражений нет?

Возражений не было. Вместо них в салоне роились эмоции, описываемые словами «ни в какие ворота не лезет». Все министры, как люди вполне образованные, конечно же, читали Маркса, Плеханова и ещё множество других книг и авторов, упоминание которых при дворе было неслыханным вольнодумством. Но слышать про них от царя... это сбивало всю шкалу дворцовой настройки «что такое хорошо и что такое плохо». Крамольные идеи конституционалистов, народников и социалистов, которыми уже давно было инфицировано общество, в высшем свете полагалось не замечать, как будто их вообще не существовало. Но самое главное – министры не могли понять, для чего император начал этот разговор, к чему он их подталкивает и какой результат хочет получить?

Не обращая внимания на коктейль эмоций, плещущийся в глазах чиновников, император тем временем продолжал:

– Если есть прибавочный продукт, мы, эксплуататоры... – последнее слово император выделил и произнёс нарочито медленно, обводя взглядом присутствующих, – хорошо кушаем, строим яхты и планы на будущее. Нет прибавочного продукта – нас медленно и тихо везут на кладбище, умирающих от голода. Я сейчас не говорю о личной способности выжить, а о системе, которая способна существовать, когда есть, что отнимать и делить. И этого не надо стесняться. Отнимает и делит любое государство, даже самое справедливое. Сейчас не об этом. Сейчас о том, что первичным источником прибавочного продукта всегда являются чьи-то рабочие руки. И чем больше рабочих рук, тем лучше. Ведь десять человек всегда смогут произвести больше, чем один, не так ли?

Император движением фокусника извлёк записную книжку:

– Согласно переписи населения 1897 года численность подданных Российской империи составила почти 126 миллионов человек. Из них три четверти – крестьяне, и десятая часть – рабочие и мещане, чьими руками создаются все ценности государства. Почти 100 миллионов одних только крестьян! Неплохо для страны, торгующей продукцией сельского хозяйства. По данным «Комиссии Центра», за последние тридцать лет земледельческое население увеличилось больше чем на половину. Однако если в 1860 году на одну душу приходилось чуть более двух десятин пашни, то в 1900-м уже не больше одной.

Император поднял глаза на министров, для которых продолжался день очевидного-невероятного: Николай II, оперирующий статистикой, – событие как раз из этого ряда.

– Ещё раз повторю, – как школьный учитель нерадивым ученикам, отчеканил император, – крестьянское население растёт, а количество земли на душу уменьшается. Но сокра-

щаются не только земельные наделы. Сокращается урожайность. Сколько зерна собирают в хозяйствах? У зажиточного – 70 пудов с десятины, у середняка – 45, а у бедняка, у которого не было коровы, – 20... А что такое 20 пудов на семью, если, как подсчитал Лев Николаевич Маресс, «18 пудов растительной пищи – это минимум, безусловно необходимый одному человеку на год»⁵.

А в это время за границей урожайность 120 пудов, 150 пудов, 180 пудов. Знаете, почему такая разница? Нет скота, потому что не хватает выпаса. А нет скота – нет удобрений. Земля истощена до предела. И дальше будет только хуже. Хотя куда уж хуже, если про голод как про обыденное явление открыто пишут даже в энциклопедиях: «В 1891–1892-м голодало свыше 30 миллионов человек. В открытых Красным Крестом столовых кормилось до 1,5 миллиона человек. По официальным данным тогда погибло 400 тысяч человек. После голода 1891 года, охватившего громадный район в 29 губерниях, Самарская губерния голодала 8 раз, Саратовская – 9. Вслед за голодом 1891-го наступил голод 1892-го в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки в 1897-м и 1898-м годах...»

При слове «голод», на котором монарх делал намеренный акцент, министры, уже начавшие терять концентрацию, вздрогнули, оживились и снова уставились на царя со смешанным выражением мистического изумления и страха, как при виде ожившей статуи. Из пяти последовательных реакций нормального человека на трагические новости – отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие – русские цари категорически застревали на первой стадии.

Александра III раздражали упоминания о «голоде» как слове, «выдуманном теми, кому жрать нечего». Он высочайше повелел заменить слово «голод» словом «недород». Главное управление по делам печати разослало незамедлительно строгий циркуляр, за нарушение коего можно было совершенно не в шутку сесть в тюрьму.

При его царственном сыне Николае II запрет смягчили, но когда ему говорили про голод в России, он сильно возмущался и требовал ни в коем случае не слышать «про это, когда оне изволили обедать». И вот на глазах министров запреты снимались, и императорское отрицание превращалось в нечто другое – незнакомое и пугающее.

– Вот вам пример доходности крестьянского хозяйства в натуральных и денежных величинах... – в руках императора материализовалась ещё одна бумага. – В Темниковском уезде Тамбовской губернии сбор крестьянского хлеба колебался от 11,5 пудов ржи на наличную душу в нынешний урожайный 1900 год до 4,6 пудов в неурожайный, при среднем сборе в десять пудов. Исходя из того, что средней минимально необходимой нормой было четырнадцать пудов, возникал дефицит зерна, который надо было докупать. И это при том, что на каждый двор в среднем ложилась денежная налоговая повинность в размере десяти рублей, которая покрывается только подсобными промыслами и занятиями.

Император закрыл блокнот и ещё раз обвёл глазами министров.

– Вы поняли, что происходит? Нет ещё? Крестьяне покупают хлеб! Не производят и продают, а покупают! Те, кому на роду написано выращивать зерно и торговать им с городом и другими странами, вынуждены его приобретать, в том числе и за границей! И таких у нас пятьдесят миллионов, покупающих основной и прибавочный продукт, который, производясь он в достаточном количестве, можно было бы обменять на промышленные изделия или экспортировать. Можно ли представить себе более абсурдную ситуацию? Они из-за безденежья ничего не могут купить и ничего не способны предложить на продажу кроме своих малограмотных и неквалифицированных рук... Это я министру Боголепову, который никак не поймёт, сколько нужно школ...

И вот итог, с которым мы вползаем в двадцатый век: хлеб, точнее тот прибавочный продукт, который мы хотим экспортировать, мы вынуждены тратить на наших же крестьян, кото-

⁵ Маресс Л.Н. Пища народных масс в России // Русская мысль. 1893.

рые его произвести не в состоянии. И мы не можем обменять его на те промышленные европейские товары, которые сами делать не умеем или не хотим.

При словах «не умеем или не хотим», произнесённых царём наиболее чётко и с расстановкой, министр путей сообщения князь Хилков наклонил голову и сжал губы. Это были его мысли. В 1860-х годах, когда появилось большое либеральное течение по освобождению крестьян, он раздал большую часть своих земель крестьянам и, будучи крайне либеральных воззрений, уехал в Америку почти без всяких средств. Поступил на службу в англо-американскую компанию по сооружению Трансатлантической железной дороги сначала простым рабочим, спустя четыре года стал заведующим службой подвижного состава и тяги. Потом, оставив Америку, он около года прослужил слесарем на паровозном заводе в Ливерпуле.

И это после Пажеского корпуса и службы в лейб-гвардии! Он был одним из тех немногих князей, которые не чурались самого пролетарского труда и готовы были отвечать за свои решения. Известен такой случай. Незавершённость Кругобайкальской железной дороги серьёзно осложняла снабжение войск. Чтобы решить эту проблему, Хилков приказал проложить рельсы прямо по льду Байкала и сам повёл поезд, так как машинисты испугались смелого решения...

Князь посмотрел Европу и Америку со всех сторон и был полностью согласен с царскими словами про нежелание и неумение выпускать промышленную продукцию. Это было то, что его самого возмущало и огорчало как настоящего патриота Отечества. А император тем временем продолжал:

– И вот сейчас, в начале двадцатого века, мы имеем пятнадцать миллионов крестьянских хозяйств, не производящих, а потребляющих добавленный продукт, и совершенно безумную экономическую реальность – восемьдесят миллионов человек для экономики не существуют. Причём для двадцати пяти миллионов из них уже сейчас нет ни работы, ни хлеба, и количество полностью обездоленных с каждым годом только увеличивается. «Эта убыль в хлебе, – читаем мы в Трудах Особого совещания, – не пополнена избытком потребления мяса, овощей и т. п., а составляет действительную убыль, которая была разложена между населением в виде сокращённого питания и между хозяйственным скотом, частью тоже ухудшением его корма (замена хлебного корма соломой), частью же просто распродажей скота».

Я представляю, как хохотал бы Маркс, если бы узнал, что русский царь и его министры позволяют себе, имея двадцать пять миллионов свободных рабочих рук, добровольно отказываться от прибавочного продукта, который могут произвести эти руки. Мало того, они вынуждены тратить прибавочный продукт, чтобы хоть как-то прокормить эту преступно и халатно не используемую рабочую силу...

Министры пока ещё не могли переварить всю вываленную на них информацию, зато они хорошо знали, что означают слова «преступно» и «халатно», произнесённые самодержцем таким тоном, каким обычно произносят речь на суде обвинители. Панические мысли «отставка без мундира, ссылка, тюрьма» настолько явственно читались на их лицах, что император остановился, мягкой кошачьей походкой подошёл к столу и начал не спеша набивать трубку, любясь результатами своей речи, разрушительной для психики чиновников.

– Хочу вас повеселить, – усмехнулся он в усы, когда министры преодолели оцепенение и начали понемногу приходить в себя. – Когда внезапно упали цены на хлеб на международной бирже, вот что написали «Петербургские ведомости»: «Натуральное хозяйство оказало России великую услугу, оно служит причиной того, почему земледельческий кризис, охвативший всю Европу, нами переносится сравнительно легче. У нас есть огромное количество хозяйств, стоящих вне влияния низких хлебных цен».

Вы понимаете, какую выгоду нашли газетчики? Цены на хлеб упали – упали прибыли, а у нас огромное количество хозяйств, на которых это никак не отразилось, потому что они хлеб растят только для себя. А некоторым стало даже лучше – у нас добрая половина крестьян-

ских хозяйств хлеб покупает. Получается, что наше сельское хозяйство демонстрирует полную невосприимчивость к колебаниям биржевых цен. Ну, разве это не успех?

Чиновники опять загрустили. Они уже поняли, что это совсем не успех, и прекрасно уловили царский сарказм. Император тоже понял, что поняли его министры, но, очевидно, решил довести их до какой-то, известной только ему, кондиции. Посему взял со стола ещё одну заготовленную бумагу и с выражением прочёл:

– Комментируя такие катастрофические результаты хозяйственной деятельности, помещик М.С. Балабанов пишет: «Надо просто удивляться, как может наш крестьянин выносить подобные налоги (в среднем до пятидесяти рублей на двор...), не обладая достаточным количеством земли, совершенно не зная рациональной техники земледелия, не зная даже простой грамотности, почти не обучаясь никаким ремёслам и не занимаясь никакими кустарными промыслами, которые позволяли бы ему с большой пользой утилизировать продолжительный зимний досуг...»

«Поставленный такой жалкой обстановкой в самое крайнее положение, – пишет уже Н. Флеровский, – работник решается на последнее средство – он бросает свой дом и свою семью и идёт за тысячи вёрст отыскивать средства уплатить свои подати и оброки».

Вопрос о налогах и недоимках – это был удар под дых. Обсуждением «как вытряхнуть недоимки, какие бы новые налоги ввести и как бы повысить имеющиеся?» заканчивалось практически каждое заседание кабинета, когда речь заходила о необходимости где-то изыскать постоянно не хватающие инвестиции. Вот теперь министры были полностью готовы для заключительного резюме, которое император оставил «на сладкое».

– Есть мнение, – ещё одна пауза и стальной взгляд, как каток, катящийся по сидящим за столом министрам, – что герои нужны там, где не хватает профессионалов. Я надеюсь, что присутствующие здесь являются профессионалами... К сожалению, в России медленно запрягают одни, а вскачь должны нестись другие. Это неправильно. Есть те, кто создаёт проблемы, и те, кто их решает. Нам же нужны люди, которые делают так, чтобы проблем не было. Особенно когда это уже угрожает существованию самого государства.

Тишина в салоне стала звенящей. В ней глухой голос императора казался эхом волн, перекатывающихся за бортом яхты.

– Как писал мне военный министр, – при этих словах все посмотрели на генерала Куропаткина, вздрогнувшего и попытавшегося стать ниже ростом, – когда земля стала плохо кормить население, это отразилось на физических качествах рекрутов – уменьшение роста, замедление физического развития, большая восприимчивостью к заболеваниям. Одним словом, ещё немного времени, и в нашем государстве некого будет не только эксплуатировать, но и некому будет воевать... Как думаете, господин военный министр, генерал Куропаткин, мы заслужили, чтобы крестьяне за нас воевали? Молчите? Вот и я считаю, что не заслужили.

Если мы ещё не заслужили, чтобы наши подданные за нас воевали, надо сделать это срочно, отложив все остальные дела на потом, потому что, когда начнётся война, делать это будет поздно. Прошу всех присутствующих считать себя мобилизованными вплоть до выработки детального плана преодоления кризиса в сельском хозяйстве и отнестись с пониманием к некоторому ограничению вашей свободы. Лучше это сделать самим, чем это сделают те двадцать пять миллионов обездоленных. Когда низы сильно не хотят жить по-старому, то и у верхов жизни не будет...

Яхта «Штандарт». У побережья Потти.

4 часа пополудни

Когда в шторм над самым морем пролетают мрачные чёрные тучи и рассеянный солнечный свет еле просачивается сквозь них, среди дня наступают глубокие сумерки, и море может

показаться совсем чёрным, хотя большую часть черноты к его цвету добавляет страх перед непогодой.

Вот так, вероятнее всего, и появилось название Чёрное море. Ведь тюркские или персидские путешественники, давшие морю это имя, пришли сюда с берегов более солнечного Средиземного, где и зимы-то настоящей не бывает. Увидели переселенцы первый зимний шторм, и сказали – чёрное море! Ашхаена – по-древнеирански, Кара Дениз – по-тюркски.

Однако сейчас море было отнюдь не чёрным. Его вообще не было. Вместо него за бортом – туман с сажей от постоянно работающих котлов. Аккурат под срез собачьей вахты он упал на яхту грязно-серым одеялом, как снег с крыши, устлав её собой и спрятав под тоннами мельчайшей водяной взвеси. Иллюминаторы, надраенные бронзовые поручни, корабельная рында и полированная обшивка надстроек моментально вспотели, как стайер на сложной дистанции. Видимость нулевая.

Только что заступивший на вахту офицер вздохнул и, поёжившись, поднял воротник. Сырость безжалостно заползала под одежду. Новая, с иголки, флотская шинель не грела. Ему всегда нравилось это атмосферное явление, хотя он не помнил, почему именно. Возможно, какой-то особой тишиной. Или, может быть, безветрием. Штиль – штука нечастая, и туманы сейчас бывают крайне редко. Почему? Во всём, наверное, виноват Гольфстрим...

Все-таки надо пройти и хоть как-то согреться. Шесть шагов по мостику туда-обратно не спасают. Пять ступенек вниз. Смена поддерживает пары, и палуба чуть подрагивает под ногами, как живая. Такое впечатление, что идёшь по спине громадного кита. Около талей какая-то возня и смутные тени. Кто-то из пассажиров страдает бессонницей? Пройти мимо неудобно. А вдруг нужна помощь?

– Простите, чем могу служить?

– А, это вы, мичман... очень обяжете, если сможете найти... Безделушка, конечно, но больно уж памятная... Вот тут обронил, прямо под ногами и не могу найти в этой мгле...

– Что? Где?..

Это были последние слова, которые, наклонившись, успел произнести молодой офицер, после чего затылок взорвался тупой болью, отдавшейся солёной волной в нос, а в глазах рассыпались, как искры костра, оранжевые звёзды. Уже проваливаясь в небытие, слух уловил последнюю фразу, произнесённую с яростным шипением:

– Куда?! Назад! Ялик на воду, осёл! Послал же дьявол идиота на мою голову...

* * *

*От штаб-офицера Специальной охранительной команды
III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии
Поздеева А.А.*

Начальнику Секретной части охраны Е.И.В. генерал-майору Е.Н. Ширинкину

Рапорт

*30 ноября 1900 года
Весьма секретно*

В исполнение предписания начальника 1-го округа Корпуса жандармов от 18 ноября сего года № 175 приемлю честь Вашему сиятельству почтительнейше донести о результатах расследования происшествия на борту яхты «Штандарт», произошедшего минувшей ночью между 4 и 6 часами пополудни.

В указанное время, а именно, в 6 часов дежурная смена караула, следовавшая по левому борту яхты, обнаружила мичмана Головина, находившегося в бессознательном состоянии на палубе с обширной раной на затылке. Тогда же была обнаружена пропажа лёгкого прогулочного ялика.

Срочная переключка экипажа и опрос пассажиров яхты отсутствующих и пропавших не выявил. Какие-либо следы, позволяющие сделать предположения о личности нападавшего и об орудии преступления, отсутствуют.

Мичман Головин помещён в лазарет и взят под охрану. В себя не приходил. По бортам и на баке яхты выставлены усиленные караулы. Пассажиры ведут себя спокойно. Среди экипажа волнений нет.

Штабс-ротмистр Поздеев А.А.

Резолюция на рапорте

Всем пассажирам, кроме Е.И.В и указанных им лиц, до особого распоряжения корабль не покидать. Запросить помощь у III отделения в Тифлисе для осмотра берега.

Генерал-майор Ширинкин

Декабрь 1900.

Британия. Белфаст. Freemassons' Hall

В 1899 году в клочущей и дымящейся сепаратизмом Ирландии прошли первые выборы в советы графств. Они ожидаемо принесли победу тем же непримиримым ирландским националистам, которые уже господствовали в представительстве от Ирландии в палате общин и вообще являлись главными заводилами ирландской ирреденты. Эти суровые ребята никогда не отличались склонностью к вегетарианству. Человеческая жизнь стоила в Ирландии всегда недорого, а жизнь англичанина на этой мятежной территории вообще измерялась пенсами.

Джентльменам, а особенно высокопоставленным, путешествовать по Ирландии без надёжной охраны категорически не рекомендовалось. Однако было во всём этом океане религиозной и национальной ненависти одно хорошее обстоятельство – количество чутких глаз и ушей, способных увидеть и услышать что-либо для передачи в Виндзорский замок, было кратно меньше, чем в любом городе Англии, Шотландии или Уэльса.

Поэтому двое собеседников, назначив встречу в Белфасте в здании с оригинальной архитектурой Freemassons' Hall, чувствовали себя спокойно и раскованно. Тем более что сейчас они были отнюдь не британскими вельможами, а простыми вольными каменщиками, братьями ложи Великой Англии, и даже одеты были соответствующе, хотя куртки мастеровых смотрелись на раздобревших фигурах, как на корове седло.

Приглашённый, имеющий степень марк-мастера капитула королевской арки, вообще не горел желанием встречаться с кем-либо на подмандатной территории, но приглашение исходило от великого магистра ложи, поэтому отказаться было невозможно сразу по двум причинам, причём первой был не градус посвящения приглашающего, а специальный пароль на приглашении – вервие – сигнал о том, что брату по ложе срочно требуется помощь.

Братья-масоны так долго смаковали индийский чай, который марк-мастер привёз из Бомбея, что со стороны могло показаться, что именно ради этого они и встретились в этом загадочном мрачном доме. Наконец, молчание нарушил великий магистр.

– Я недавно понял закономерность, – негромко и размеренно проговорил он, разглядывая чайники на дне чашки из китайского фарфора. – Жизнь делится на три части: когда ты веришь в высшие силы, когда ты не веришь в высшие силы и когда ты уже сам готов перейти к высшим силам.

Марк-мастер поставил чашечку на серебряный поднос, поняв, что начинается серьёзный разговор и любой предмет в руках будет его отвлекать.

– Да, – осторожно согласился он с начальством, – каждый вздрагивает, когда его впервые называют стариком.

– Согласен, мой друг, согласен. Возраст – мерзкая вещь, и с каждым днём *она* становится все хуже, – с нажимом произнёс великий магистр, не сводя глаз с собеседника.

– *Она?* – приподнял бровь марк-мастер, заметно напрягшись и подавшись вперёд.

– Да, мой друг, она, – кивнул Великий магистр. – Она – старость – это дурная привычка, которую успевают приобрести даже очень знатные люди.

– В Индии мне удалось прочитать «Дхаммападу», – марк-мастер не выдержал и в очередной раз принялся наполнять чашечки ароматным, почти чёрным напитком, кося глазом на собеседника. – Там сказано: «Изнашиваются даже разукрашенные царские колесницы, так же и тело приближается к старости».

– И с этим я полностью согласен, – уголками губ улыбнулся магистр, видя, что брат-масон всё прекрасно понял. – Но Сенека сказал лучше: «Старость – это неизлечимая болезнь».

Марк-мастер буквально подпрыгнул на стуле и впился глазами в начальство, непослушными пальцами расстёгивая ставший вдруг тесным стоячий воротник куртки.

– Сенека – известный мудрец, – проскрипел он внезапно севшим голосом, – жаль только, что он ни слова не сказал про лекарство...

– Жаль, – кивнул магистр, – но жизнь вообще жестока, наверно, поэтому Генри Уодсуорт Лонгфелло в «Песне о Гайавате» писал: «Молодые могут умереть, старые – должны».

– Всё это излишне мрачно, – качая головой, возразил марк-мастер. – Я бы лично не хотел умереть скоропостижно. Это всё равно что уйти из таверны, не расплатившись.

Магистр аккуратно поставил свою чашечку на поднос, с шумным вздохом поднялся и встал за стул, опершись на его спинку.

– Я научился смотреть на смерть как на старый долг, который рано или поздно придётся вернуть... – чётко, буквально по слогам, произнёс он. – А время... Никто не знает, когда человек должен умереть. Тогда почему все говорят: «Его постигла преждевременная смерть»?

Мастер не ответил. Его остекленевший взгляд прилип к китайской посуде с индийским чаем, а голова бешено перерабатывала полученную информацию. Заметив то напряжение, в котором пребывал его брат по ложе, магистр подошёл к нему сзади, дружески положил руки на плечи и, нагнувшись к уху, прошептал:

– Ещё Маргарита Наваррская писала в своих дневниках: «Старики привыкли думать, что они всегда умнее, чем поколение, которое идёт им на смену».

– Она, вероятно, просто не знала слов Эразма Роттердамского: «То, чем мы грешим в молодости, приходится искупать в старости», – пробормотал в ответ марк-мастер, не отводя глаз от посуды.

Магистр похлопал марк-мастера по плечу и, возвращаясь на своё место, произнёс уже другим, расслабленным и слегка небрежным, тоном:

– Не переживайте так из-за давно ушедших от нас классиков. Они были хороши в своё время. Однако «Излишняя забота – такое же проклятье стариков, как беззаботность – горе молодёжи». И это уже сказал Уильям Шекспир.

– Да, – попытался приподняться со своего стула марк-мастер, – но старость...

– Старость, – жёстко перебил его Магистр, – это когда знаешь все ответы, но никто тебя не спрашивает...

Марк-мастер рухнул обратно на стул, а Магистр натянул на голову простецкий картуз мастерового и, уже направляясь к выходу, бросил через плечо:

– Я устал от рутинных забот и хочу предложить братьям вас на моё место. Закончите свои дела здесь – подумайте об этом предложении...

* * *

Марк-мастеру действительно необходимо было спокойно посидеть, подумать и разложить по полочкам полученную информацию, переформатировать её в план действий, где любой просчёт мог стоить карьеры, положения, а то и самой жизни.

Марк-мастер капитула королевской арки Объединённой великой масонской ложи Англии, он же Артур Уильям Патрик, герцог Коннаутский⁶, был профессиональным военным, хотя его специализация была весьма специфична. Именно из-за неё, несмотря на громкие должности – Главнокомандующий бомбейской армией, Главнокомандующий войсками в Ирландии, – в реальных сражениях он не участвовал. В частности, от англо-бурского театра военных действий главнокомандующего держали подальше.

В терминах XXI столетия его бы назвали специалистом по тайным операциям, вкус к которым он почувствовал во время службы в Канаде, до совершенства отточил в Индии и теперь вовсю применял в Ирландии, в результате чего на самых непримиримых и оголтелых местных сепаратистов напал мор, косивший их ряды гораздо эффективнее британской армии и судов.

Только что он получил задание, которое его смутило, но не смогло остановить. Как человек военный и дисциплинированный, он привык выполнять приказы, а не обсуждать их. Тем более что отдавший приказ был не только его прямым масонским начальником. Великий магистр Объединённой великой масонской ложи Англии был не кто иной, как Эдуард Альберт, принц Уэльский, престолонаследник, старший сын королевы Виктории, и приказал он не что иное, как помочь утихомирить свою маман, развившую некстати недюжинную активность в чрезвычайно чувствительных для принца вопросах.

Весь разговор высокородных вольных каменщиков, выглядящий со стороны как отвлечённый философский диспут, был на самом деле краткой и информационно насыщенной постановкой очередной задачи на очередную ликвидацию, но на этот раз совсем не ирландских сепаратистов...

* * *

У будущего короля Великобритании Эдуарда VII, а в декабре 1900-го – принца Уэльского, известного под своим первым крестильным именем Альберт (уменьшительно – Берти), был воз и маленькая тележка причин не любить свою мать – «женщину-эпоху». Второй ребёнок, старший сын королевы Виктории и принца-консорта Альберта, практически не допускался к государственным делам. Более того, Виктория испытывала к нему тихую ненависть, абсолютно необоснованно считая виновным в смерти отца. Но главная трагедия Эдуарда была в несоответствии его амбиций статусу. Быть до шестидесяти лет наследником – это испытание не для слабых.

Альберт-Эдуард был вовсе не дурак и имел достаточно обширное академическое образование. В Эдинбурге прослушал курс промышленной химии, в Оксфорде изучал юридические науки, а в Кембридже совершенствовался в языках, истории и литературе. Но самыми развитыми у Эдуарда оказались хорошие от природы дипломатические способности: он в совершенстве владел наукой полуслов, намёков, хитростей и туманных обещаний. В мужском обществе принц всегда становился душой компании, увлекал всех своим оживлением и шутками.

⁶ Артур Уильям Патрик, принц Великобритании, герцог Коннаутский в 1901 году стал после принца Уэльского, короля Эдуарда VII, Великим магистром Объединённой великой ложи Англии и пребывал в этой должности почти до самой смерти в 1942 году.

Как мог, великовозрастный наследник мстил за пренебрежение к нему своей великодержавной маман. Заявлял о поддержке Дании и её претензий на Шлезвиг-Гольштейн в пик прогерманской политике королевы. Прилагал публичные усилия, чтобы встретиться с Джузеппе Гарибальди как раз в то время, когда Виктория уверяла Рим в своей безусловной поддержке и отсутствии каких-либо связей с повстанцами.

Особенно любил принц совмещать приятное с полезным, демонстративно попирая пуританские нравы своими многочисленными амурными приключениями, которых ничуть не стеснялся и не скрывал ни от матери, ни от своей супруги Александры. Он делал всё, чтобы продемонстрировать оппозиционность и независимость.

Но всё это было мелко и несерьёзно. Душа просила настоящего большого дела. Тем более что в руках у принца было весьма изящное и достаточно мощное, хотя и обоюдоострое, оружие – Объединённая великая ложа Англии (United Grand Lodge of England).

Большим делом Альберту-Эдуарду казалась великолепная возможность перехватить у мамы Вики управление тупой тщеславной куклой Алисой Дармштадтской, а вместе с ней – и всей огромной территорией Российской империи, которая может быть вполне самостоятельным инструментом глобальной политики и тотального обогащения. И когда из Санкт-Петербурга поступило предложение, больше напоминавшее детально разработанный, изящно продуманный план, он согласился, практически не раздумывая.

Для выполнения первого пункта этого плана требовалось что-то, объединявшее лучше родственных уз и связывающее крепче договорных отношений. Нужен был компромат, которым будет владеть только он и никто другой. И если таковой нельзя найти, его нужно организовать.

В 1894 году, после смерти императора Александра III, принц посетил Петербургский двор, желая приглядеться к своей будущей вассальной территории. К этому времени братья-масоны уже изрядно поработали в Зимнем дворце, и Берти чувствовал себя в Северной Пальмире вполне уверенно.

Будучи дядей бывшей принцессы Алисы Дармштадтской, нынешней императрицы Александры Фёдоровны, Альберт-Эдуард за первым же завтраком фамильярно и с солдатской прямотой заявил: «Как профиль твоего мужа похож на профиль императора Павла!»⁷ Сказал, сослался на неотложные дела и отправился ждать, будет ли поклёвка?

Ждать пришлось недолго – уже на следующий день свой человек в Зимнем передал информацию о живом интересе, который проявляет императрица к судьбе несчастного пращура своего супруга и особенно – к участию Британской короны в досрочной смене императоров в доме Романовых. Рыбка сожрала приманку, оставалось только аккуратно подсечь и тащить.

Проиграть в такой партии было невозможно. При удачной реализации он получает новую правительницу России, абсолютно управляемую, связанную с ним убийным компроматом. Если что-то пойдёт не так, он всегда может сделать удивлённое лицо и даже помочь найти заговорщиков – кому нужны эти варвары в случае некачественно сделанной работы?

Однако всё пошло не так, совсем не туда, где у принца Уэльского был заготовлен план «Б», и совсем не по тем тропинкам, которые он заботливо устлал соломкой. Сначала Николай II никак не находил времени полистать подаренный ему альбом, хотя его регулярно подкладывали на самое видное место в кабинете. А когда полистал, время было потеряно – для получения гарантированного результата концентрации яда уже не хватало.

⁷ И этот визит в Санкт Петербург, и эти слова про схожесть Павла I и Николая II, сказанные принцем Уэльским, будущим королём Британии, в домашней обстановке, прекрасно описаны в дневниках-мемуарах всех участвовавших лиц. О том, что текст Альберта-Эдуарда был явно не про портреты, понятно, если посмотреть на профили обоих самодержцев.

Телеграммы Аликс бабушке, копии которых к Альберту Эдуарду по масонским каналам тайно отправлял премьер и глава МИД Солсбери, вскрывались его личным шифром и представляли собой китайскую шкатулку, где под Алисиной паникой, с требованием сделать хоть что-то, прятались сухие отчёты с перечислением необходимого, чтобы закончить начатое.

Появилась спешка, а с ней – ошибки и накладки. Гонец с дополнительной дозой сам отравился, не доехав до Ливадии. Свою собственную игру «Угадай наследника» начали придворные. Тихо бунтовали врачи, отказываясь ставить нужный диагноз. Все эти угрозы пришлось купировать, задействовав практически всю свою агентуру, включая ненадёжных и жадных турецкоподданных.

Потом царь, только оклемавшись, отправил супругу с глаз долой, чем резко затруднил окончательное решение вопроса. И наконец, последней каплей в этой череде неудач было распоряжение королевы Виктории «найти того умника, который подсказал Аликс, что она похожа на Екатерину II»... Вот чего-чего, а расследования у себя дома принц Уэльский совсем не ожидал и запаниковал.

Что такое маман с попавшей ей под мантию шлестей, Альберт-Эдуард прекрасно знал, а потому решил действовать на опережение. Секретарь королевы Мунши, которому Виктория доверяла, но почему-то отказалась дать дворянство⁸, был прекрасным объектом для вербовки, чем герцог Коннаутский и воспользовался в один из его приездов на историческую Родину. Секретарь, получив личное заверение принца, что все его мечты сбудутся «как только, так сразу», подвести не должен. Ну, а после разберёмся и с ним. Исполнители обычно долго не живут...

Декабрь 1900-го.

Яхта «Штандарт». У берегов Потти

Древнегреческий географ Страбон писал: «На реке Фасис стоит город, он тоже Фасис, и окружает его озеро, море и река... Стремительна она и бурлива. Несётся, бежит по Колхиде, извилиста очень, а потому перекинуто через неё в разных местах 120 мостов – полноводная и судоходная, она соединяется с Понтом». В переводе с греческого Фасис означает «фаза». Отсюда и название красивой птицы фазан, по преданию похищенной греками вместе с золотым руном. У себя на родине греки развели её, и с той древнейшей поры обитает она по всей Европе.

Мифологический город Фасис в Колхиде по многим данным совпадает с Потти.

Морская вода у побережья Кавказа – самая тёплая и приветливая. И не только вода.

В конце XIX столетия в Потти побывал Александр Дюма. В произведении «Кавказ» французского писателя остались такие строки: *«Мегрельские женщины, особенно блондинки с чёрными глазами и брюнетки с голубыми, – самые прекрасные творения на земном шаре».*

И всё же ни тёплая вода, ни красивые женщины не занимали сейчас головы обитателей императорской яхты, болтающейся на зимних волнах в миле от берега.

– Нет, это чёрт знает что! – возмущался Сергей Юльевич Витте, маршируя вдоль борта и хмуро поглядывая на каменистое побережье со стоящими на нём в пределах прямой видимости жандармскими постами, за спинами которых маячили казачьи разъезды.

– Сергей Юльевич, ну что вы так нервничаете, – недовольно поморщился председатель комитета министров Иван Николаевич Дурново, комфортно расположившийся в шезлонге с бокалом императорского коньяка, доступ к которому был открыт высочайшим повелением в

⁸ Виктория действительно наотрез отказывалась даровать дворянство своему секретарю Абдул Кариму (Мунши), что стало причиной жестокой обиды и даже демонстративного отъезда его на Родину. Впрочем, ненадолго. Увидев, что демарш не произвёл на королеву никакого впечатления, Мунши вернулся в Лондон.

качестве компенсации за вынужденное заключение. – Вы же сами говорили, что устали как собака и мечтаете о трёх днях где-нибудь на море или на водах. Вот и пользуйтесь моментом!

– Дражайший Иван Николаевич, – под насмешливым взглядом председателя комитета Витте закипал, как чайник, – в Пекине начались переговоры представителя китайского правительства с послами европейских держав, в Америке сменилось правительство, и всё это самым непосредственным образом влияет на финансы империи! И мой долг...

– Ваш долг, – перебил Витте подошедший министр путей сообщения Хилков, – выполнять распоряжения императора. И он, уезжая, задал вам домашнее задание. Вы его уже выполнили?

– Не мне одному, а нам, дражайший князь, – бурлил Витте. – Нам всем было приказано решить проблему непроизводительного населения. Но...

– Но биржевые индексы падают, а без вашего присутствия в Петербурге никто не посмеет снимать с торгов ваши инвестиции и изымать деньги ваших клиентов, – закончил за него Хилков под общий хохот присутствующих. – Полноте, Сергей Юльевич, мы прекрасно знаем все ваши скромные – и тут я не ёрничаю – гешефты.

– Князь! Вы бываете невыносимы! – в сердцах бросил Витте и резко сменил тему. – Это его императорское величество может позволить себе такую роскошь, как свободные фантазии на экономические темы и даже увлечения марксистскими идеями. А нам требуется прочно стоять на ногах, а не витать в высших сферах.

Витте подпрыгнул и с силой ударил каблуками по палубе, демонстрируя, как прочно надо стоять на ногах.

– Социалистические идеи сильны лишь отрицанием и крайне слабы своими альтернативными предложениями. Уважение к Марксу как к крупному теоретику – это одно, использование марксизма на практике – совершенно другое. Главная проблема социалистических идей – это нестыковка между врождённым чувством справедливости и желанием наживы в самом человеке. Причём если человек из низов, то его погоня за деньгами обычно продиктована лишь желанием выжить или не дать умереть семье, а жажда наживы верхов – просто жадность и распущенность, продиктованная желанием получать всё больше удовольствий. И что прикажете делать с этим первородным грехом?

– Вот Маркс и предлагает всё отнять и поделить по справедливости, – подыграл Витте министр образования Боголепов.

Витте с раздражением посмотрел на «этого книжного червя» и махнул рукой:

– А что, мало отнимали и делили? Да всю историю только этим и занимались и всегда исключительно с благородными побуждениями. В душу человека вложена идея справедливости, которая не мирится с неравенством – с бедствием одних в пользу других, от каких бы причин это ни происходило. В сущности, это корень всех исторических эволюций.

Но почему тогда воз и ныне там? Почему после каждого передела «по справедливости» всё очень быстро возвращалось на круги своя? Нет, не в этом дело. Дело в нашей темноте! С развитием образования народных масс – образования не только книжного, но и общественного – сказанное чувство справедливости будет всё более и более расти в своих проявлениях и, в конце концов, станет постоянным состоянием всего общества.

– И когда у вас запланировано хождение в народ? – не скрывая своей иронии, полюбопытствовал Боголепов.

– Да, голубчик, что-то вы погорячились, – подал голос Дурново. – Как вы собираетесь усадить за парты крестьян, которые, как сказал государь, с голоду пухнут? Да они поменяют ваши «аз-буки-веди» на краюху хлеба или на штоф водки – на том дело и кончится...

Сергей Юльевич закрыл глаза и про себя грязно выругался. К петербургской знати он не испытывал ни малейшей любви: *«Они отличаются от обыкновенных людей не столько большими положительными качествами, как большими качествами отрицательными»* – писал он

в своём всеподданнейшем докладе императору. Как-то и вовсе обозвав немалую часть дворянства «дегенератами», Витте предложил Николаю II лишить их права занимать высокие государственные посты, если только они никак не проявили себя в конкретном деле. Идея, разумеется, не прошла⁹.

Придворные, конечно же, знали о таком отношении к ним министра финансов и щедро отвечали взаимностью.

– И всё же, любопытно узнать именно ваше мнение, – не унимался министр путей сообщения. – Что вы думаете, каким образом можно создать условия и какими должны быть эти условия, при которых ныне немощное, непроизводительное крестьянское население, не способное даже прокормить себя, вдруг станет полноценным участником товарного обмена?

– Я не только думаю, я настойчиво пишу об этом, в том числе и в самые высокие инстанции. Ещё два года назад я изложил своё мнение его императорскому величеству... – и, закрыв глаза, закинув голову, как будто читая невидимый документ, наизусть продекламировал: «Юридическая и экономическая неустроенность крестьянского населения является главнейшим препятствием культурного и хозяйственного прогресса в России. Крестьянство освобождено от рабства, но находится в рабстве произвола, беззакония и невежества. В таком положении оно теряет стимул закономерно добиваться улучшения своего благосостояния. У него парализуется жизненный нерв прогресса. Оно обескураживается, делается апатичным, бездеятельным, что порождает всякие пороки. Поэтому нельзя помочь горю одиночными, хотя и крупными, мерами материального характера. Нужно, прежде всего, поднять дух крестьянства, сделать из него действительно свободных верноподданных сынов ваших. Государство при настоящем положении крестьянства не может идти вперёд, не может в будущем иметь то мировое значение, которое ему предуказано природою вещей, а может быть, и судьбою».

– Хорошо сказано! – аплодируя, кивнул головой князь Хилков. – Чертовски хорошо! Но как поднятие духа крестьян поможет увеличить их земельные наделы и насытить хозяйства машинами и механизмами?

– Земли в России более чем достаточно, – отмахнулся Витте. – Плотность населения уральских, сибирских и дальневосточных губерний – по одному человеку на версту, надо только активнее зазывать крестьян туда.

– Не получится, Сергей Юльевич, – возразил Боголепов, – крестьян крепче крепостного ярма держит и не пускает община, и пока она не будет разрушена, ничего не выйдет. Не поедут!

– Да-с, господа, – согласно кивнул Дурново, – главный тормоз и основная причина экономического ржавения крестьянства – средневековая община, не допускающая совершенствования. Именно она воспитывает хищнические приёмы обработки земли и, кроме того, является скрытой пропагандой социалистических понятий. С другой стороны, за счёт общины живут лентяи и алкоголики, с которыми по правилам общины приходится делиться урожаем и другими продуктами труда. И пока этот зверь держит крестьянина за армяк, ничего из вашей затеи не выйдет, да-с...

– Иван Николаевич! – хитро прищурившись, съязвил Боголепов. – Как же вы с вашей осторожностью, да против Победоносцева? Община – это ведь его любимый конёк, и он скачет на нём чаще, чем ходит в церковь.

Дурново в момент стал пунцовым, и только мочки ушей, наоборот, побелели, сделав всё лицо неестественно контрастным.

– Помилуйте! Как можно! – заговорил он так быстро, будто боялся, что его перебьют. – Я очень уважаю Константина Петровича. Я с его статьями, можно сказать, ложусь и просыпаюсь – вот, например, «Болезни нашего времени» как «Отче наш» выучил: «Все недовольны в наше

⁹ Слова Витте, приведённые в тексте, это его собственные размышления, взятые из мемуаров, записок и всеподданнейших докладов Николаю II.

время, и от постоянного, хронического недовольства многие переходят в состояние хронического раздражения. Против чего они раздражены? – против судьбы своей, против правительства, против общественных порядков, против других людей, против всех и всего, кроме самих себя. Мы все бываем недовольны, когда обманываемся в ожиданиях: это недовольство разочарования, приносимое жизнью на поворотах, сглаживается обыкновенно на других поворотах той же жизнью. Это временная, преходящая болезнь, не то что нынешнее недовольство – болезнь повальная, эпидемическая, которой заражено все новое поколение. Люди вырастают в чрезмерных ожиданиях, происходящих от чрезмерного самолюбия и чрезмерных, искусственно образовавшихся, потребностей».

– Требуется дать населению гражданские свободы: совести, слова, собраний и союзов, наконец, свободу личности. И создать учреждения, которые бы всё это гарантировали, – буркнул Сергей Юльевич вслух.

– А вот тут, голубчик, попрошу вас быть аккуратнее в своих мыслях и желаниях, – встретился председатель комитета министров. – За такие слова можно и пострадать, ибо устои, знаете ли...

– Ну, конечно, – криво усмехнулся министр финансов. – В истории России очень часто оказывалось проще выбить скамейку из-под ног очередных бунтарей и революционеров, заткнуть рот любой оппозиции, чем устранить саму почву для критики, недовольства и революций последовательными и своевременными преобразованиями, от которых народу хотя бы немного становилось легче.

– Да вы, голубчик, карбонарий! – вытаращил глаза Дурново. – Прошу вас прекратить подобные разговоры, или я буду вынужден...

Не дожидаясь окончания сентенции старика Дурново, Витте резко развернулся на каблуках и стремительно отправился к себе в каюту, не попрощавшись с присутствующими и не говоря более ни единого слова.

– Полноте, господин председатель, – усмехнулся князь Хилков. – Если государь на встречах со своими подданными обсуждает теории гегеля Маркса, министр финансов может позволить себе побыть немного гражданином Эгалите.

– Какая муха укусила главного финансиста империи? – удивлённо спросил генерал Куропаткин, до этого хранивший молчание. – Неужто всё дело в том разносе от императора, после которого Сергей Юльевич выскочил красный, как рак, и выпил всю воду в буфете?

– Предполагаю, – включился в беседу граф Фредерикс, – что дело отнюдь не в этом. В первый день, когда я был у государя после кризиса, я видел в его записной книжке трижды подчеркнутое слово «опричники» и вопрос «кто?» на пол-листа.

– Ну, и зачем его величеству понадобились опричники? Кого он ищет?

– Предполагаю, – произнёс Фредерикс, понизив голос почти до шёпота – что государь расследует обстоятельства своей престранной болезни, связывая её с безвременной кончиной своего державного батюшки, в частности – весьма странной катастрофы на «чугунке», и подозревает виновность членов Священной дружины, одним из которых был и Сергей Юльевич. К тому же Витте был последним, кто видел государя, когда он заболел в Ливадии, и он же отвечал за ту самую дорогу, на которой произошла катастрофа. Вот он и нервничает, ибо быть подозреваемым в покушении или даже в халатности, сделавшей возможной покушение на монарха, такого и врагу не пожелаешь.

– Свят-свят-свят, – перекрестился Дурново и уже раскрыл рот для вопроса, как дверь, ведущая внутрь яхты, открылась, и мимо пассажиров прорысил вахтенный офицер, на бегу поделившись с собравшимися:

– Мичман Головин пришёл в себя! Доктор послал за его высокопревосходительством!

* * *

Генерал Ширинкин полулежал на неудобном кожаном диване и страдал от клаустрофобии, от недостатка информации, от ограниченности оперативных возможностей, от непонимания мотивов злоумышленника и невозможности вычислить его личность. Страдал, в конце концов, от головной боли, которая являлась следствием всего вышеперечисленного.

Самым духоподъёмным результатом было бы признание мичмана, что он поскользнулся и неудачно упал, а ялик был плохо принаитован и потому во время качки сорвался с креплений. Все остальные варианты чреваты серьёзнейшими расследованиями с непредсказуемыми последствиями. Шутка ли – кто-то проникает на яхту, где находятся монарх и почти все министры, бьёт вахтенного офицера по голове, крадёт лодку... А зачем он вообще здесь был? С какой целью прибыл? Что делал? А вдруг где-то уже заложена бомба, которая дожидается своего часа?

Генерал даже застонал от нарисованного его воображением ужаса, чувства собственного бессилия и ощущения, будто в затылок вогнали раскалённый гвоздь. «Нет, всё, пора!.. Возвращаемся в столицу – прошу отставку!»

Хорошо ещё, что государь отреагировал на загадочные события достаточно спокойно. Как-то странно улыбнулся, хмыкнул, произнёс непонятно: «Однако они быстро сообразили...» Покивал, соглашаясь с предпринятыми мерами, и объявил о немедленном отъезде в Тифлис. Конвой и даже адъютантов приказал оставить на яхте, как возможных свидетелей, заменив их морячками с эсминцев сопровождения. Приказал отправлять по телеграфу любую новую информацию и не предпринимать никаких действий к ослаблению режима оставшихся на яхте...

Топот в коридоре... Кого ещё там чёрт принёс.

– Ваше высокопревосходительство! Головин очнулся...

Через пять минут споро приведший себя в порядок генерал Ширинкин, протолкавшись сквозь толпу министров, уже получал перед дверью лазарета инструкции от врача, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, как норовистый рысак перед забегом.

– Он очень слаб, поэтому пару минут, не больше, – напутствовал жандарма доктор, когда генерал торопливо входил в лазарет, предвкушая решение загадочного происшествия, превратившегося в головную боль.

Ну, вот и мичман. Под глазами – синие круги. Веки прикрыты. Вид у него, конечно, не товарный, выжил чудом – били его так, чтобы наверняка, почему, интересно, за борт не выкинули? – отметил про себя генерал и аккуратно тронул руку раненого.

Головин медленно открыл глаза, обвёл взглядом стоящих перед ним жандармов, задержался на генерале, после чего губы его искривились, как у обиженного ребёнка, по лицу пробежала судорога, и с коротким выдохом юный офицер опять потерял сознание.

– А, чёрт! – вскричал генерал. – Доктор! Быстро! Сделайте что-нибудь...

Оставив у лазарета штаб-ротмистра, генерал отправился обратно, проклиная неведомых злоумышленников, докторов и свою собственную торопливость, из-за которой, быть может, он невольно напугал раненого.

Ротмистр нарисовался в каюте генерала только через два часа. Вид у него был такой, будто он только что поймал водяного и теперь не представляет, что с этим чудом-юдом делать.

– Ну, что? – нетерпеливо бросился к нему Ширинкин. – Пришёл в себя? Ты говорил с ним?

– Так точно, ваше высокопревосходительство! Пришёл! Говорил!

– Ну? Ну?! Что он сказал? Что он помнит? Может опознать нападавшего?

Ротмистр замаялся и, отступив на шаг, уже не так уверенно кивнул головой.

– Так точно, ваше высокопревосходительство! Может... вернее, это... уже опознал...

– Ротмистр, чёрт вас побери! Ну, что вы мнётесь, как гимназист на первом свидании? Что он помнит? Кого он опознал?

– Раненый... Он сказал... Одним словом, мичман Головин утверждает, что злоумышленник, напавший на него – это вы, ваше высокопревосходительство!

Люди не замечают, что мы делаем для них, зато они замечают, чего мы не делаем.

Декабрь 1900-го. Тифлис. У монастыря Джвари

– Красиво идут! – вполголоса, с какой-то удивительной, вопросительно-восхищённой смесью интонаций произнёс великий князь Александр Михайлович, не отрывая глаз от густых цепей Кавказской гренадерской дивизии, поднимающихся по пологому склону.

Император посмотрел через плечо на моряка, вздохнул и вернулся к обозрению манёвров, в ходе которых лейб-гренадерский Эриванский полк оборонял высоту с возвышающимся над ней монастырём Джвари, а остальные три полка дивизии шли на штурм под залиvistый лай дивизионной артиллерии, регулярно выплёвывающей облачка холостых зарядов в синее небо над слиянием Арагвы и Куры.

Официальная часть была императором самым беспардонным образом скомкана, торжественный обед в доме губернатора отменён, впрочем, как и богослужение и парад. Вместо всего этого император изволил устроить на весь день полевые манёвры с последующим ужином в походно-полевых условиях.

Сейчас он не столько наблюдал за ходом учебного боя, где ему и так всё было ясно, сколько с любопытством разглядывал цепи 16-го гренадерского Мингрельского его императорского высочества великого князя Дмитрия Константиновича полка. Его последним командиром в сентябре – декабре 1917 года был полковник Шапошников – будущий маршал Советского Союза, начальник штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии, единственный военный, к которому Сталин обращался уважительно по имени-отчеству – Борис Михайлович.

Император поймал себя на мысли, что невольно среди рядов гренадеров ищет знакомую чуть сутуловатую фигуру, и коротко вздохнул. Борис Михайлович сейчас только сдавал вступительные экзамены в Алексеевское училище, и вместо него перед глазами маячила фигура командира дивизии великого князя Николая Михайловича, который сегодня был удивительно неразговорчив и регулярно бросал на императора настороженные взгляды.

«Кажется, Сандро уже провёл необходимую подготовительную работу», – с удовольствием подумал император и уверенно направился к держащим оборону лейб-гренадерам, жестом пригласив князя составить ему компанию...

– Никки, я уже хотел писать тебе, – начал явно заготовленную речь генерал, когда они удалились на достаточное расстояние, чтобы свита их не слышала. – Ты же понимаешь, что заговор с участием Аликс – это l'absurdité...¹⁰

– Николай Михайлович, – перебил князь император, остановившись и повернувшись к собеседнику всем телом. – А покажешь мне свою коллекцию бабочек? Говорят, что ты не расстаёшься с ней даже в путешествиях и походах.

Все заготовленные слова застряли у Николая Михайловича в горле и рассыпались в мелкий прах. Бабочки были тем увлечением и той страстью, которую князь лелеял с детского возраста и отдавал ей всё своё время, остающееся от службы и изучения истории – ещё одного увлечения, на глазах превращающегося в серьёзную работу.

– Никки, ты никогда о них даже не вспоминал, – с удивлением глядя на царя, пробормотал князь. И, уже оправившись от удивления, по-военному чётко отрапортовал: – Тридцать

¹⁰ Нелепость (фр.).

шкафов с коллекцией в этом году подарено Зоологическому музею Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Ещё один шкаф с коллекционными материалами был передан Кавказскому музею в Тифлисе. Но кое-какие экземпляры, – генерал заговорщики улыбнулся, – мне приносят и присылают постоянно. Вот смотри, – и вытащил небольшой плоский кожаный пенал с каким-то засушенным коричневым листочком.

Император туда заглянул, пожал плечами и вопросительно посмотрел на князя.

– Коконпря дуболистный, – прошептал князь, как будто боясь разбудить насекомое, – подражает сухому листу... Посмотри, какая потрясающая мимикрия! Какой восхитительный покровительственный окрас!..

– Правильная окраска помогает защититься от врагов и сохранить жизнь? – прищурившись и нагнув голову, спросил император.

– Да-да, – радостно закивал генерал, – и обрати внимание, какого совершенства они достигли в этом деле...

– Великолепно, – резюмировал император, – просто великолепно! А теперь посмотри сюда, – и он развернул князя лицом к поднимающимся по склонам батальонам дивизии. – Мне интересно знать, Николай Михайлович, так хорошо изучив возможности маскировки насекомых, как ты собираешься применить эти знания для пользы державы?

Генерал упёрся взглядом в ровные ряды синих мундиров, ярко и сочно смотрящихся на фоне серо-коричневой пожухлой травы, и шестерёнки его мозга яростно закрипели, пытаясь осознать заданный вопрос.

– Никки, – после отчаянной борьбы со своими извилинами жалобно простонал генерал, – что ты от меня хочешь? Что я должен сделать?

– Думать, Николай Михайлович! Это твоя главная обязанность! Как знания, которыми ты обладаешь, могут помочь Отечеству. А делают пусть другие... – и, недовольно покачав головой, император быстрым шагом направился к первому ложементу, где уже выстроился полувзвод под командой вытянувшегося во фронт усача-унтера.

– Вольно, богатыри! – по-неуставному ответил император на краткий доклад и, глядя снизу вверх на рослого лейб-гренадера, задал неожиданный вопрос:

– Какого цвета мишени, по которым ведутся учебные стрельбы?

– Черные, ваше императорское величество, – слегка замешкавшись, тем не менее выпалил солдат, поедая глазами начальство.

– На какой дальности стреляете на меткость?

– Стреляли на двести шагов – в поясные, на триста или четыреста – в головные, и на пятьсот и далее, до тысячи четыреста – в рост.

– Ну и как, попадаешь?

– Более трёх не попадал, и то только один раз, но и более трёх промахов не давал. За них ставят под ружьё, а я не люблю стоять...

– А вот тут мы с тобой похожи, – рассмеялся император, – я тоже не люблю стоять... Благодарю за службу, бойцы! Николай Михайлович, отойдёмте на два слова...

Отсчитав быстрым шагом тридцать шагов, император резко развернулся, так, что столкнулся нос к носу с поспешающим за ним князем, и, зацепившись за генеральский мундир, сварливо зашипел, буравя генерала своим стальным исподлбья взглядом:

– Генерал, про тебя врут! Говорят, что Николай Михайлович – вольнодумец, революционер и ниспровергатель основ...

Князю показалось, что при этих словах в глазах императора заплясали смешливые чёртики.

– Ая вижу сплошной домострой. Он мне тут маскировкой бабочек восхищается, а у самого дивизия что в обороне, что в наступлении – как комар на голой заднице: бей – не хочу... Открой глаза шире, командир! Твои гренадеры в этой форме видны лучше, чем

мишени. Винтовка бьёт на полторы версты десять выстрелов в минуту. Пока полк доберётся до позиций врага, опытный меткий стрелок успеет уложить целую роту...

– Никки, – пролепетал смущённо-возмущённо князь, – но устав... наставления... генерал Драгомиров...

– Ну да, ну да, Драгомиров, конечно, авторитет, – усмехнулся император. – По его почину в русской армии так много и усердно твердили о «духе», что в значительной степени проглядели «материю». Николай Михайлович, весь свет восхищается бурами, их ловкостью и героизмом, но мы-то люди военные и обязаны анализировать боевые действия, не поддаваясь эмоциям. Почему крохотная армия Трансвааля так успешно сопротивляется вдесятеро превосходящим силам противника? Что нового они привнесли в тактику современной войны? Что полезного мы можем извлечь для себя из их опыта? Почему молчите, князь? Не нашлось времени? Не было информации? Руки не дошли? Ну, хорошо, информация об англо-бурской войне пока отрывочная и эмоциональная. Но вы увлекаетесь французской историей, преклоняетесь перед талантами Бонапарта. В чём секрет его успехов на поле боя и что стало причиной его краха в России? А что стало причиной поражения французов в последней войне с Германией? Почему Бисмарк сказал, что эту войну выиграл школьный учитель?

Генерал молчал. Император устало опустил на придорожный камень.

– Я даже не спрашиваю, читали ли вы книгу Блюха «Будущая война и её экономические последствия», поэтому даже не вспоминаю про бездымный порох, скорострельные винтовки, пулемёты и многое другое... Жить и воевать нам придётся уже в двадцатом веке, а не в девятнадцатом... А он про Драгомирова... Ещё бы наставления Александра Невского вспомнил!

– Ваше императорское величество, – великий князь дрогнувшим голосом первый раз назвал царя полным титулом, – я готов подать в отставку немедленно...

– Значит, так, господин генерал, – прервал его император, вставая. – Если мы будем вести себя как впечатлительные курсистки, развалим державу за две пятилетки и даже быстрее. Поэтому про отставку забыть, слушать боевой приказ: первое – самое позднее через месяц представить образцы полевой формы, в которой солдат будет выглядеть как... этот...

– Коконопряд дуболистный? – упавшим голосом спросил князь.

– Вот-вот, он самый! Чтобы я его с трёх шагов разглядеть не мог, если он затаится!.. Я имею в виду солдата, а не бабочку. Второе – собрать команду из толковых, грамотных, усидчивых офицеров со знанием английского-немецкого-французского, посадить в библиотеку. Пусть штудируют все периодические издания, собирают всю доступную информацию про технические новинки и исследования, касающиеся вооружения и обеспечения армии, а также всё, что таковым официально не является, но может быть использовано в этих целях. Доклады собирать, систематизировать, готовить к закрытой публикации.

– Ваше императорское величество, но ведь специально подготовленные специалисты Главного штаба...

– Николай Михайлович, если бы я решил задействовать штаб, я бы так и сделал. Но мне надо, чтобы это сделал ты. Причём сделал обязательно по своей инициативе, без всякого высочайшего повеления. И третье – опять же по твоей личной инициативе, о которой я даже не догадываюсь, – надо собрать всех, кто воевал и воюет сейчас в Трансваале. Пригласить к себе в гости... на воды, например. Твоё имение «Боржом» – идеальный вариант. От приглашения великого князя они не откажутся, надеюсь? Создать условия для работы, предоставить бумагу. Много бумаги! И пусть пишут.

– Пишут что, ваше императорское величество? – откровенно тормозил полностью дезориентированный князь. – Всеподданнейшие доклады?

Император подошёл ближе, долго смотрел в глаза великого князя, вытянувшегося, словно новобранец перед унтером, после чего неожиданно засмеялся, взял генерала под руку и заговорщицки зашептал на ухо:

– Если бы ты взял томик Гая Светония, описавшего деспотизм Тиберия, то мог бы вычитать такие строки: «Угодливость была ему так противна, что он не подпускал к своим носилкам никого из сенаторов ни для приветствия, ни по делам. Когда один консулер, прося у него прощения, хотел броситься к его ногам, он так от него отшатнулся, что упал навзничь. Даже когда в разговоре или в пространной речи он слышал лесть, то немедленно обрывал говорящего, бранил и тут же поправлял. Когда кто-то обратился к нему – “государь”, он тотчас объявил, чтобы более так его не оскорбляли. Кто-то другой назвал его дела “священными” и говорил, что обращается к сенату по его воле; он поправил его и заставил сказать вместо “по его воле” – “по его совету” и вместо “священные” – “важные”».

Император отпустил локоть князя и уже обычным голосом добавил:

– Николай Михайлович, если ты окончательно перешёл на официальный язык, называй меня в соответствии со своими республиканскими убеждениями – *citoyen*, то есть гражданин. Звучит вполне прилично, не обидно и очень даже революционно. Участники англо-бурской войны должны вспомнить и детально описать всё, что они видели нового и необычного из тактики, вооружения и снаряжения, как у буров, так и у британской армии. Было бы идеально, если бы они на основании полученного опыта составили собственные предложения по внесению изменений в отечественные уставы и наставления. Впрочем, на этом не настаиваю. Ну, и четвёртое... – император остановился и посмотрел на князя уже абсолютно весело и беспечно. – А не попить ли нам чаю? Только по-семейному. Ты, я и Сандро. А заодно обсудить некоторые государственные назначения. Например... Мне нужен твой совет... – С этими словами император аккуратно взял под руку великого князя, превратившегося в одно большое ухо, и повлёк к штабной палатке. – Я хотел бы вернуть должность товарища военного министра, соединённую со званием начальника военной походной канцелярии, и предложить этот пост тебе...

Короткая остановка, быстрый взгляд в лицо князя, выразившего уже не эмоции, а чёрт знает что! Пауза...

– А Сандро – с его революционным проектом броненосца и предложениями по развитию Тихоокеанского побережья – хочу предложить руководство Главным управлением кораблестроения и снабжения... Надо помочь руководить флотом нашему почтеннейшему Алексею Александровичу... на правах его первого заместителя, ну и, естественно, в ранге контр-адмирала... Что посоветуешь, Николай Михайлович? Нет, ничего сразу не отвечай. Сначала чай, а потом всё остальное – государственные дела на голодный желудок – это, я считаю, неправильно¹¹.

Декабрь 1900-го. Потти. Яхта «Штандарт»

Зимнее солнце под вечер не спускается, а стремительно ныряет в море, как будто хочет искупаться в изрядно прохладной черноморской волне. Строго на юге у самого горизонта кучкуются тучи, и там тяжёлое серое свинцовое небо сливается с морем такого же цвета. Свинец, подсвеченный падающим солнцем, приобретает жуткие апокалиптические цвета – от фиолетового до стального. Дует сырой, холодный и промозглый ветер. Пульсирует короткими порциями красный свет огня Потийского маяка, отчего усиливается какое-то неприятное чувство безысходности.

В это время года и в такую погоду хочется сидеть дома у камина или у печки. Но городской причал все-таки не пустынен. Возле одной его стороны притулилась изящная яхта с атлантическим форштевнем, вокруг которого кипит какая-то необычная жизнь. У трапа – часовой. Еще один – у ворот. Между ними прогуливается пара жандармов. По трапу туда-сюда снуют матросы, выполняющие сейчас, кроме собственных обязанностей, роль курьеров и денщиков

¹¹ «Попить чаю» – такое предложение Сталина после неприятных и трудных разговоров постоянно встречается в мемуарах современников. Сначала подморозить, а потом согреть, отругать и наградить, пригрозить и обнадёжить – его любимый управленческий приём, фирменный стиль.

для заточённых на яхте пассажиров, министров и светских, двое из которых, уединившись на юте в тени Андреевского флага, ведут неспешную, хотя и крайне нервную беседу, полностью заглушаемую плещущейся за бортом водой.

– И что теперь?

– Теперь ничего. Ждать. Этот идиот Ширинкин приказал арестовать себя и вызвал из столицы помощников, запретив кому-либо покидать борт, кроме нижних чинов, да и то по делам снабжения и связи.

– Да я не про Ширинкина, хотя и про него тоже. Что нам делать с этим багажом, которым снабдил нас наш дражайший монарх?

– Бросьте! Очередная забава скучающего мизантропа. Мало ли их уже было? Сначала балерины, потом богоискание, теперь вот на марксизм потянуло. А вы сразу всё так серьёзно. Право, это того не стоит!

– Перестаньте ёрничать! Вы действительно думаете, что можно, полежав месяц больным, встать с постели другим человеком?

– Вы тоже это заметили?

– Это даже слепой заметит!

– Значит, вы считаете...

– Я считаю, что невозможно войти в спальню домашним котиком и через месяц выйти из неё диким тигром...

– Но болезнь, душевные переживания, близость смерти, наконец, меняют человека...

– Меняют так, что он начал конспектировать и наизусть цитировать документы, которые никогда не читал? Не верю...

Собеседники замолчали... Слышно было, как за бортом плещется беспокойная вода, да по сходням стучат матросские ботинки, подгоняемые окриками боцмана.

– Что вы намерены сказать Фальку?

– Только правду, мой друг, исключительно и только правду. С ним вообще лучше молчать, но если начал говорить, то только то, что есть на самом деле...

– И как вы с ним свяжетесь в таких условиях?

– Думаю...

Опять пауза, плеск воды, грохот ботинок о сходни, короткие лающие команды, сдобренные солёным морским словцом.

– Замолаживает...

– Да, становится сыро. И уже совсем темно... Вы идите, чтобы не простудиться. Я докурю и тоже пойду отдыхать...

Неторопливо дойдя до своей каюты, один из собеседников, налив полный бокал шустовского, долго стоял перед иллюминатором, вглядываясь во тьму, мгновенно накрывшую гавань. Затем не спеша сел за стол, достал пачку свежей бумаги, золотое перо и, решительно придвинув чернильницу, написал красивым каллиграфическим почерком:

Его императорскому величеству...

Всеподданнейший доклад

В соответствии с Вашим Высочайшим повелением и принятыми мной на себя обязательствами во время нашей последней встречи имею честь всеподданнейше сообщить о состоявшейся встрече на борту яхты «Штандарт» с военным министром Куропаткиным, в ходе которой мне удалось узнать следующее...

Тем же вечером.

Тифлис

Чем ближе кортеж приближался к Тифлису, тем мрачнее и задумчивее становился император. Причиной накатывающей на него меланхолии были два человека, за один только взгляд которых он готов был отдать полжизни. Первой была мама, его строгая добрая мама.

Он питал глубокую привязанность к матери, которая, как он сам считал, серьёзно повлияла на формирование его личности. Суть такого влияния раскрыл Фрейд, заметивший, что *«мужчина, который был безусловным фаворитом своей матери, на всю жизнь сохраняет чувство победителя, ту самую уверенность в успехе, которая часто и приносит настоящий успех»*.

Она не колебалась ни минуты, чтобы сказать своему сыну, ставшему главой государства, с чисто материнской бестактностью и безапелляционностью: «А жаль все-таки, что ты не стал священником!» То, чем он стал, её не интересовало. Он не стал служить Богу, как она этого хотела. И сын был восхищён её непреклонностью. Беззлобно вспоминал: «Как она меня била! Ай-яй-яй, как она меня била!» И даже в этом был для него знак её любви.

Она так и не захотела покинуть Грузию и переехать жить в Москву, хотя он звал её. Ей был не нужен столичный уклад, она продолжала свою тихую, скромную жизнь простой набожной старухи.

В его архиве остался присланный ему из Тифлиса жалкий список вещей, оставшихся после ухода матери владыки полумира. Она прожила жизнь нищей и одинокой. Такой и умерла.

«Здравствуй, мама моя!

Как живёшь, как твоё самочувствие? Давно от тебя нет писем, – видимо, обижена на меня, но что делать, ей-богу, очень занят.

Посылаю тебе сто пятьдесят рублей, – больше не сумел. Если нужны будут деньги, сообщи мне, сколько сумею, пришлю. Привет знакомым. Твой Сосо», – писал он 25 апреля 1929 года.

Следующее письмо – только через пять лет:

«Здравствуй, мама моя!

Письмо твое получил. Получил также варенье, чурчхели, инжир. Дети очень обрадовались и шлют тебе благодарность и привет. Иосиф».

И последнее:

«Маме моей привет!

Посылаю тебе шаль, жакетку и лекарства. Лекарства сперва покажи врачу, а потом прими их, потому что дозировку лекарства должен определять врач».

В том же году мама умерла. А он не смог даже приехать на похороны... Обстановка в столице не позволяла. В любой момент можно было отправиться вслед за мамой. Требовалось всё держать в своих руках, не теряя бдительность ни на минуту...

Сколько раз после этого он мысленно разговаривал с ней, просил прощения, объяснял, почему он так непростительно мало уделял ей времени. А она в его мыслях просто стояла и смотрела куда-то вдаль, строго поджав губы...

И вот теперь у него есть возможность лично сказать всё, что не смог и не успел сказать тогда... До Гори – рукой подать... Но как он явится и что скажет в таком обличье?

Однако не меньше, чем думы о маме, голову императора занимали мысли о ещё одной женщине, живущей в Тифлисе на изящной Фрейлинской улице, как раз рядом с военным штабом, куда они сейчас и направлялись... Какое всё-таки хорошее слово – «живущей», то есть живой... Она сейчас жива, его Като. Первая и единственная любовь, мать его первенца – Яши.

Они повенчались в 1907-м, что для революционера-марксиста-атеиста было немыслимо. Какая церковь? Но она настояла, и он сдался. Она умела говорить мягко, нежно, но так, что Сосо всегда соглашался... Они повенчались, и он почти сразу уехал делать свою революцию. Вернулся только на похороны и, не раздумывая, прыгнул в могилу, желая остаться с ней наве-

гда. Когда вытаскивали, отчаянно брыкался, плакал и даже кусался, но уже ничего этого не помнил.

И вот теперь он может её увидеть, обнять... Но как? Пойти самому? На каком основании? Послать кого-то? Он представил себе, как на Фрейлинскую приходит раздутый от важности жандарм и громогласно заявляет: «Като Сванидзе? Вас желает видеть его императорское величество!» А чего это вдруг он её желает видеть, если он вообще не должен знать о её существовании?

Император с силой грохнул о пол кареты ножами нелепой сабли, на наличии которой настоял Фредерикс, и кортеж замер как вкопанный. Поспешно подскочивший ротмистр-кавалерист открыл дверцу и вытянулся во фрунт, вопросительно заглядывая в глаза начальству. Где-то он уже попадался на глаза... В Ливадии? На манёврах?...

– Где мы? Что за здание? – вслух непривычно глухим голосом задал вопрос император.

– Тифлисский кадетский корпус, ваше величество! Желаете посетить?

– Нет, не будем. Уже поздно. Переполошим всех. Кадетам завтра на занятия. А вон там что? – стараясь, чтобы не дрогнул голос, аккуратно спросил монарх.

– Магнито-метеорологическая обсерватория, – менее уверенно отрапортовал ротмистр, удивлённый вниманием самодержца к такому невзрачному домику.

– Отлично, – неожиданно обрадовался царь, – там работа должна вестись круглосуточно, не так ли? Давайте разомнём ноги!..

Решение пришло неожиданно, но показалось императору простым и логичным. Конечно же, ему не требуется сейчас ехать в Гори или идти на Фрейлинскую. Для этого у него есть он сам – никому еще неизвестный Сосо Джугашвили, и магнито-метеорологическая обсерватория, где он дежурил по двенадцать часов и, вполне возможно, прямо сейчас находился там.

Император не представлял, как он встретит сам себя и что скажет, но уже уверенно шагал к обсерватории по пыльному Михайловскому проспекту, сопровождаемый сбитой с толку и ничего не понимающей свитой.

Да-да, вот эта знакомая башенка и стоящий рядом с ней на высоких ножках метеорологический шкаф, которые он сам красил в ослепительно белый цвет. Обсерватория – это первое рабочее место, где он получил бесценный опыт, так пригодившийся потом в жизни. Наблюдать, запоминать, фиксировать, накапливать полученную информацию и на основании её делать безошибочные выводы.

Ему нравилось записывать в журнал длинные столбцы цифр, а потом, ведя карандашом по ним, ловить закономерности и тенденции, предсказывать показатели на завтра, на послезавтра, на следующую неделю. У него почему-то всегда это получалось лучше, чем у других. Может быть, от природы, или он просто был более внимательным и замечал те мелочи, которые другим казались несущественными.

«Обращать внимание на мелочи... Обращать внимание... Стоп! Что я делаю? Куда я иду? Зачем? Вот я сейчас войду, увижу себя самого и что скажу? Гамарджоба, бичо, я – это ты?.. Представляю фейерверк эмоций... Или что-то другое? – лавиной с горы катились мысли императора. – Царь вдруг проявляет интерес к незнакомому грузинскому юноше. Что это за юноша? Давайте покопаем... Нет-нет... этого точно нельзя допустить». Обсерватория сейчас – это штаб, место, где укрываются революционеры, хранилище нелегальной литературы. И всё это почти на виду, руку протяни – и вот она, антигосударственная деятельность. Арестуют всех... А как свою активность он объяснит придворным?

Родные люди, близкие люди... Хорошо, когда они есть. Прекрасно, когда они рядом. Но именно те, кто тебе действительно дорог, делают тебя крайне уязвимым. А ему сейчас никак нельзя быть слабым...

Император сбавил шаг и остановился, посмотрел под ноги, как будто искал забытую тут вещь. Он вздохнул, оглядел окна обсерватории, улыбнулся, увидев, как дёрнулась занавеска,

выдав прячущегося за ней человека, тяжело обернулся к спешившей за ним свите. Ещё раз усмехнувшись, покачал головой:

– Нет, всё-таки для визитов, тем более таких неожиданных, время слишком позднее. Не будем мешать работать. Ротмистр, побеспокойтесь, чтобы разместить людей на отдых.

«Определённо, где-то я его видел», – подумал он.

– А вы... – начал вопрос офицер.

– А мы – в штаб, – решительно сказал, как отрубил, император и твёрдым шагом направился к экипажу, больше не оглядываясь на знакомое здание.

* * *

– Ну что там? – сдавленным голосом спросил Виктор Курнатовский, профессиональный революционер со стажем, совсем недавно вернувшийся из ссылки и только осенью появившийся в Тифлисе для налаживания подпольной работы марксистских кружков.

Молодой парень, наблюдатель-метеоролог из местных, пожал плечами и задёрнул плотнее занавеску.

– Начальство какое-то заблудились. Может, хотели дорогу узнать. Но они уже уезжают, наверно, сами разобрались.

– Фуу-у-у-у-у... – Курнатовский тяжело опустился на стул и вытянул ноги. Меньше всего ему хотелось светиться перед посторонними лицами. По всем документам он сейчас должен быть в Харькове. Жандармы на него злы, не простят – опять упекут в ссылку, найдут, за что зацепиться. На этот раз пронесло. Впредь надо быть осторожнее. И вообще Михайловский проспект – не самое спокойное место в городе. Надо подумать о смене явки.

Переведя дух, Курнатовский выглянул в окно, долго смотрел, сузив глаза, на проезжающие экипажи, затем хмыкнул, мазнул внимательным взглядом по лицу молодого грузина, присвистнул:

– Да знаешь ли ты, кто к нам чуть не пожаловал на огонёк? Хотя откуда тебе знать, деревня! Нет, явку надо будет менять непременно!..

* * *

– Ваше величество, вы просили чай, – доложил ротмистр – прикажете подать?

Император кивнул, не спуская глаз с офицера и усиленно пытаясь вспомнить, где он его мог видеть... Вот он повернулся боком, посторонившись и пропуская в кабинет полового с самоваром. Откуда только он выкопал его в два часа ночи? Кого же он напоминает, этот бравый драгун? Традиционные кавалерийские усы, точёный нос, волевой подбородок, внимательные, почти чёрные глаза, жёсткие чёрные волосы. Устал, но держится молодцом...

– Простите, ротмистр, как вас зовут?

– Иван Ратиев, к вашим услугам...

– А по батюшке, стало быть, Дмитриевич, не так ли?

– Так точно, ваше императорское величество, но откуда...

– Вольно, Иван Дмитриевич, не тянитесь, а ещё лучше – составьте мне компанию. Присаживайтесь. Я вижу, что вам тоже требуется подкрепиться. Сегодня вы за мной весь день ухаживали, теперь моя очередь... Только давайте договоримся без чинов, чай, не на приёме и не на плацу. А не то я начну вас называть «товарищ князь»...

Ратиев удивлённо поднял брови, а император в это время уже повернулся к самовару, аккуратно наливая кружки и улыбаясь себе в усы. Если бы Сталин смотрел фильм «Семнадцать мгновений весны», то наверняка бы вспомнил крылатую фразу – «Ещё никогда Штирлиц не был так близок к провалу». Однако сидевший напротив человек того стоил. Это был тот самый

знаменитый спаситель сокровищ Эрмитажа, которому титул «товарищ князь» присвоил сам Ленин.

1917. Октябрь.

Петроград

Редакторская колонка «Известий ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» от 5 ноября 1917 года неприятно кольнула Сталина и показалась ему дикой и нелогичной:

«...Выражаю искреннюю благодарность помощнику начальника дворцового управления полковнику лейб-гвардии, товарищу князю Ивану Дмитриевичу Ратиеву за самоотверженную защиту и охранение народных сокровищ в ночь с 25 на 26 октября... Присвоить ему как лицу, отвечающему за целостность дворца, имущества и всех художественно-исторических ценностей, полномочия главного коменданта Зимнего дворца и всех государственных дворцов и музеев Петроградского района...» Подпись под документом – Владимир Ульянов (Ленин).

Сталин бросил газету на стол и смачно выругался. Сергей Яковлевич Аллилуев – хозяин квартиры и отец будущей жены Сталина – удивлённо воздел брови и через плечо постояльца и соратника по революции заглянул в газету.

– Вах! Что случилось, генацвале? – шутливо произнес он, пародируя грузинский акцент.

– С какого это времени мы стали привечать золотопогонников, да ещё и князей, – кипел, как чайник, Сталин, нервно барабанив пальцами по обеденному столу. – Дичь какая-то – товарищ князь!..

– А какая разница, какого цвета кошка, если она ловит мышей? – пожал плечами Аллилуев. – Что ты взъелся на этого полковника? Если судить по газете, он просто выполнял свой долг... Хорошо выполнял... Или революции не нужны хорошие грамотные полицмейстеры и коменданты?

Сталин тогда ничего не ответил старому другу. Он абсолютно искренне считал, что не нужны. Всё дворянское, а заодно и духовное, и купеческое сословия в те годы всеобщей революционной эйфории он абсолютно искренне воспринимал как балласт, от которого надо избавляться любыми возможными способами, и, уж точно, никогда не назначать «вчерашних угнетателей» на ответственные должности в советские учреждения.

Особо ярко его недоброжелательность проявлялась в отношении так называемых военспецов. Сталин не считал нужным прятать своё презрение к царским офицерам, полагая недопустимым их присутствие в Рабоче-крестьянской Красной Армии. Дотошные историки потом посчитают, что за пять послереволюционных лет Ленин положительно отзывался о военспецах пять раз, Троцкий – больше двадцати, а он – Сталин – ни одного.

Это была ошибка, осознавать которую он будет мучительно тяжело, больно и долго. Уже в конце тридцатых, став полновластным хозяином Кремля и познакомившись с бывшим полковником царского генерального штаба Шапошниковым, он с удивлением для себя открыл целый мир, осколком которого называл себя Борис Михайлович, причём далеко не самым талантливым и не самым эрудированным...

Он потом, особенно в первые годы Великой Отечественной войны, тысячу раз вспомнит каждую фамилию каждого военачальника, которых не уберёт в предыдущие дикие и кровавые двадцать лет. Возвращение золотых погон и офицерского достоинства в 1943-м, кроме прочего, будет его личным «Простите» всем невинно сгоревшим во всепожирающем революционном пламени. Но даже из всей среды бескорыстных служаек князь Иван Дмитриевич Ратиев выделялся особо.

В ночь штурма Зимнего дворца он остался единственным служащим министерства двора, кто не бросил свой пост, твёрдо намереваясь сохранить в целостности вверенные ему сокровища

– бесценные произведения искусства и атрибуты царской власти – скипетр со знаменитым бриллиантом Орлова в 185 карат, императорскую корону и державу.

Поставив охранять вход в сокровищницу своего 16-летнего сына, выпускника Пажеского корпуса, Иван Дмитриевич направился напрямик к командиру штурмовиков Антонову-Овсеенко с требованием немедленно прекратить мародёрство и обеспечить сохранность национальных реликвий.

Расхристанные революционные солдаты и матросы, уже хлебнувшие вседозволенности и почувствовавшие запах страха, который они внушали золотопогонникам, с удивлением взирали на статного полковника, ничуть их не боящегося и уверенно отдающего команды их командиру, стремительно теряющему в присутствии Ратиева свой революционный задор и решительность.

То, что в числе штурмующих Зимний дворец присутствовали хорошо организованные группы профессиональных грабителей, позже признавали Ленин и Луначарский, и многозначительно молчал Троцкий, лично отвечавший за «правильное» занятие государственных зданий.

В 1919-м, когда было объявлено об эвакуации правительства в Москву, Ратиев организовал и лично возглавил инкассацию всех сокровищ из Зимнего дворца в Кремль. Ему и его семье угрожали – требовали сдать груз или хотя бы ненадолго отвернуться. Князь был непреклонен. По пути следования предотвратил несколько диверсий, отбил несколько нападений, причём нападавшие не были уголовниками – уж очень грамотно были выставлены засады, слишком профессионально действовали грабители.

Сталин специально не интересовался судьбой князя, но знал, что в самом начале тридцатых он вышел на пенсию и вернулся в Тбилиси. Здесь же выросла его внучка Эка (Катя) Львова – дважды княжна по рождению, но ставшая самой обычной пионеркой, затем комсомолкой, как все в послевоенное время. Единственным отличием от большинства были, пожалуй, отменные оценки по всем предметам да бессчётное количество разбитых мальчишеских сердец.

1900. Декабрь. Тифлис.

Штаб Кавказской дивизии

И вот теперь этот легендарный человек, «товарищ князь», сидел перед императором со слипающимися от усталости глазами и, кажется, являлся готовым решением той непростой задачи, которую решал император всё последнее время.

– Иван Дмитриевич, – окликнул он клюющего носом ротмистра, – приказываю вам немедленно идти домой и выспаться. А завтра к полудню извольте явиться на службу, известив своё непосредственное начальство о том, что отбываете в моё распоряжение на неопределённое время. И ещё... Передайте мои искренние поздравления вашей очаровательной супруге в связи с рождением первенца и мои извинения в связи с тем, что вынужден буду на какое-то время разлучить вас. Надеюсь на её понимание. И последняя просьба – отправьте, пожалуйста, по пути самой обычной почтой вот эти два письма. Конечно же, завтра, точнее, уже сегодня, когда выспитесь.

Ротмистр автоматически кивнул, встал и, поклонившись, вышел из кабинета, лихорадочно соображая, откуда императору известно имя его отца, его семейное положение и какое такое специальное задание будет ему поручено. Император проводил взглядом бравого кавалериста, вздохнул, поставил на поднос недопитый чай, вернулся за рабочий стол и, занеся руку с пером над чистым листом бумаги, крепко и надолго задумался, окунувшись с головой в только что произошедшее с ним сумасшествие.

«Что я успел за это время и всё ли я сделал правильно? – сотый раз мучал император себя этим вопросом, прокручивая в голове калейдоскоп лиц и событий. – Александра Фёдоровна с детьми отослана в Питер, и риск провала с этой стороны пока нулевой. Какое-то время весь

двор будет пережёвывать это происшествие, не отвлекаясь на всё остальное. К тому времени, как он его переварит, надо придумать что-то свеженькое. Хотя зачем придумывать? Скандал уже готов, и его только надо правильно преподнести. Новые назначения – Сандро на должность товарища генерал-адмирала и Бимбо на должность товарища военного министра – гарантированно ввергнут высший свет в состояние катаlepsии... Ну, а мы подыграем – продемонстрируем попадание в полную зависимость от этих “диванных революционеров”. Кстати, сами “революционеры” в состоянии эйфории на странности Никки, кажется, никакого внимания не обратили – не до того-с...

Сандро и Бимбо, великие князья Александр и Николай Михайловичи – феноменальные лентяи и гедонисты, особенно генерал... Тамада в яхт-клубе – вот его политический максимум. Понятно, почему их оттеснил от казны клан Александровичей. Ну, ничего. И дурак, и тупые ножницы могут пригодиться, надо только уметь ими пользоваться. Они числятся у нас вольтерьянцами и карбонариями? Вот их и бросим под паровоз консерватизма имени товарища Победоносцева. Как там в песне поётся:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе...

Вот их грудью и другими частями тела, в общем, их тушками мы и будем прокладывать себе дорогу. Все неудобоваримые инициативы пойдут в народ именно от лица этих великосветских вольнодумцев. Надо только обязательно встретиться с главой клана – великим князем Михаилом Николаевичем – нынешним председателем Госсовета – и максимально его мотивировать на поддержку сыновних инициатив. Без этой тяжёлой артиллерии новоиспечённых фаворитов затопчут уже на подступах к столице.

Так, теперь министры, кубло единомышленников... Хорошо, что удалось запереть их на яхте, но надо понимать – ненадолго. Эти доморощенные тритоны¹² скоро начнут свою партию, и тогда уже ничем не заткнёшь министерский фонтан красноречия. Хотя, если нельзя заткнуть, надо поставить рядом с фонтаном водяное колесо слухов и сплетен, воспользоваться их бурной энергией в мирных целях. Опять же, индивидуальная работа с товарищами проведена. Посмотрим, кто и как из них запоёт. Ещё бы посмотреть, кто к кому побежит, но эта услуга пока недоступна. Будем работать...

Так, дальше... Кого же всё-таки я так сильно потревожил? Кто решил так шумно посетить яхту и, главное, так стремительно с неё сбежать? И зачем? Что за ценная горячая информация жгла руки беглеца-пришельца? Я что-то не то сказал? Как-то выдал себя? Ещё одно белое пятно на карте военных действий. И кого прикажете ставить в центр этих пятен? Витте? Ротшильдов? Королеву Викторию? Или есть ещё какой-то игрок, о существовании которого я даже не подозреваю? – размышлял император. – Подождать, пока незнакомец проявит себя? Нет. Ждать нельзя. Ожидание смерти подобно. Будем играть на опережение, тем более что пока есть куда ходить, и пока никто даже не догадывается – зачем?»

* * *

Великие князья Александр и Николай Михайловичи, заявившись в штаб ни свет ни заря, обнаружили императора в сизой пелене от дымящей, как паровоз, трубки, со стаканом давно

¹² Тритон – сын Посейдона, вестник глубин, бог с рыбьим хвостом, он всегда держал в руках раковину, чтобы вовремя подать нужный сигнал.

остывшего чая в одной руке и с письмом – в другой. На столе уже лежало изрядное количество писем, прочитанных и разложенных на три неравные стопки.

– А, Сандро! – приветливо помахал рукой император, разгоняя клубы табачного дыма. – Это было очень любезно с твоей стороны, премного благодарен!

– Да, конечно, Никки, но я не совсем...

– Скажите, генерал, кто отвечает за учёт и систематизацию корреспонденции? – не дав договорить моряку, без предисловий переключился император на генерала, не отрывая глаз от листа бумаги.

– Эти письма, хоть и содержат всеподданнейшее обращение к Е.И.В, предназначены для Красного Креста и военного министра, сплошь состоят из просьб отправиться в Африку помогать бурам, – взяв конверт со стола и пнув пустой мешок из-под писем, резюмировал Николай Михайлович. – Их вообще никто не учитывает и не систематизирует. Собираем, маркируем, пересылаем по инстанции.

– Собирали и пересылали! – уточнил император, пряча очередное письмо в конверт. – А теперь вы будете отвечать за то, чтобы ни одна из этих просьб не была предана забвению.

И, увидев недоумённый взгляд генерала, охотно пояснил:

– Люди, пишущие эти письма, жаждущие быть там, где, по их мнению, зло побеждает добро, готовые без всякого вознаграждения ехать за тридевять земель воевать за справедливость – это золотой фонд любой нации. Это патриоты самой высокой пробы. Если мы не дадим возможность им удовлетворить их желание встать на сторону добра, они могут решить, что их собственное Отечество встало на сторону зла. Ограничивая их порывы, мы сами толкаем их в объятия нигилистов-террористов, которые быстро объяснят, что незачем ехать так далеко, чтобы воевать за справедливость. Это можно сделать прямо в России, бросив бомбу в одного великого князя... – при этих словах император ткнул мундштуком трубки в Сандро, – или разрядив револьвер в другого... – теперь мундштук упёрся в живот генерала.

– Но, Никки, патриотизм – это не только готовность сорваться с места и бежать на другой конец света. Умение терпеть и подчиняться установленному порядку – разве это не добродетель? Кропотливо и усердно работать у себя дома – разве это не патриотизм? – вставил свои «пять копеек» Сандро. – И не получится ли так, что мы, отправляя в Африку неограниченное количество добровольцев, именно таким образом и выращаем себе ребеленов?

– Согласен, – проронил император, возвращаясь к письмам. – Патриотизм – это не обязательно готовность ехать за тридевять земель, но и не чинопослушание и маршировка строем. Это чувство ответственности, упрямство и дерзость. Умение исполнять свой долг и требовать исполнения с других. И всё это не отменяет желание восстановить справедливость как базовую потребность сразу после необходимости иметь кусок хлеба и крышу над головой.

Мы договорились, что Николай Михайлович возьмёт под свою опеку добровольцев, возвращающихся из Трансвааля. Будет правильно, если и желающие туда попасть будут проходить через его руки. Тем более, посмотрите, какие у нас замечательные люди! Вот послушайте:

От повивальной бабки

Елены Александровны Дмитриевой

Прощение¹³

Ввиду множества акушерок в Петербурге практика редка в данное время, я совершенно свободна и потому хотела бы употребить оное с пользой не для одной себя. Между прочим, соревную к общественным симпатиям к угнетённому населению Трансвааля, имею искреннее

¹³ Приведены реальные прошения подданных империи во время англо-бурской войны.

желание отправиться туда, дабы оказать посильную помощь воюющим бурам. Узнав из органов печати, что Красным Крестом формируется отряд для отправки в Трансвааль на помощь раненым и их семьям, имею честь усерднейше просить Главное управление Российского Общества Красного Креста об отправлении меня в Трансвааль с отрядом сестёр милосердия.

Елена Дмитриева

А вот следующее прошение:

От лейб-гвардии Егерского полка штабс-капитана Александра Владимировича Геруа I

1. Желяя отправиться на театр англо-трансваальской войны и не располагая личными средствами, хотел бы получить назначение санитаром в состав ныне формирующихся отрядов Российского общества Красного Креста, состоящего под Августейшим покровительством Её Императорского Величества государыни императрицы Марии Фёдоровны.

2. Окончил курс в Пажеском Его Императорского Величества корпусе, откуда в 1891 г. из камер-пажей выпущен в лейб-гвардии Егерский полк подпоручиком, в поручики произведён в 1895 г.

3. В 1898 г. за успешное окончание полного трёхгодичного курса Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду произведён в штабс-капитаны с отношением в свой полк и с прикомандированием к штабу войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, откуда был командирован в штаб Гвардейского корпуса, а затем в штаб 1-й Гвардейской пехотной дивизии.

– Ну, Николай Михайлович! Разве это не воспеваемые вами Liberté, Égalité, Fraternité¹⁴, когда и повивальная бабка, и сиятельный граф готовы выполнять обязанности санитара, лишь бы приобщиться к благородному делу? Беречь это стремление надо, как зеницу ока, беречь и преумножать! Всех, изъявивших желание отправиться помогать бурам, следует взять на заметку и предупредить, что их желание будет удовлетворено по способности. А удовлетворять придётся нам с вами, Николай Михайлович, поэтому стиль работы придётся менять...

– Я так понял, Никки, что менять придётся не только стиль? Что ещё подлежит реформированию?

– Всё, что мешает нормально существовать, и всё, что выглядит противоестественно. Вот, например, это непотребство под названием «недопущение морганатических браков». Я знаю брак по любви и брак по расчёту. Но и в первом, и во втором случае – это соглашение двух взрослых людей, в выбор которых вмешиваться просто неприлично. Не так ли?

Император намеренно бил под дых. Весь дом Романовых был кладбищем несчастной любви, павшей в схватках с высочайшими предписаниями, а Николай Михайлович был одним из дважды потерпевших. В молодости он влюбился в дочь великого герцога Баденского Викторию, а её за него не отдали, хотя она и была согласна. Папенька не велел. Прямо сейчас князь опять был влюблён, и снова скандально. Речь шла о замужней даме, Елене Михайловне Барятинской, с которой у князя к этому времени довольно долго тянулась любовная связь. С мужем, между прочим, адъютантом Николая Михайловича, Барятинская давно разъехалась и при желании могла развестись. О её сыне и так давно уже заботился не супруг, а Николай. Но брак все равно получился бы морганатическим, поэтому князь тянул с предложением... И тут такие речи!..

– Я вот не пойму, – тем временем продолжал император, – почему Алексей Михайлович и Пётр Алексеевич двести лет назад могли себе позволить жениться на ком хотели, а сейчас, в

¹⁴ Свобода, равенство, братство (фр.).

эпоху тотального технического прогресса и расцвета науки, брак по любви может быть осуждаем и запрещаем. Что за непонятные предрассудки?

– И у тебя, Никки, есть желание... – осторожно попытался продолжить мысль Николай Михайлович...

– Да, таковое имеется, но для его обоснования необходим хороший кропотливый специалист, который любит историю не как профессию, а как непреодолимую потребность к истине. Кто бы мог непредвзято, честно, спокойно и без излишней подобострастности написать историю дома Романовых от самых-самых истоков – от Адама и Евы, не обращая внимания на всю верноподданническую чушь, которая лезет в глаза сегодня?¹⁵

– Считай, Никки, что такого ты уже нашёл, – подал голос Сандро. – Мой брат будет работать не за страх, а за совесть, тем более что в этом деле у него имеется личный интерес, не так ли? А я готов всемерно помогать и способствовать...

– Боюсь, Сандро, что на это у тебя точно не хватит времени, потому что именно тебе придётся организовать непрерывное морское сообщение с бурскими республиками для переброски наших специальных команд добровольцев туда и эвакуации их оттуда. Они теперь будут отправляться в Африку не для абстрактной помощи, а строго с определёнными заданиями.

– Я тоже боюсь, Никки, – вмешался Николай Михайлович, – боюсь, что ты свалишься в обморок или тебя хватит удар от переутомления и недосыпания. И я на правах хозяина этого дома и как твой дядя настоятельно прошу... нет, даже требую немедленно отправиться отдохнуть хотя бы несколько часов...

Император с сожалением оглядел внушительную кипу непрочитанных писем, вываленных в кресло, и согласно кивнул.

– Да, отдохнуть надо обязательно. Подберите, пожалуйста, парочку толковых писарей, пусть классифицируют прошения. Я составлю соответствующие инструкции. А вот эти, – император собрал крайнюю стопку распечатанных писем, – я забираю с собой сразу и отвечу на них сам...

* * *

– Ну, и за что государь тебя поблагодарил? – ревниво пихнул брата в бок Николай Михайлович, когда все необходимые распоряжения были отданы, император убыл в отведённые ему апартаменты и они остались одни.

Сандро пожал плечами:

– Не представляю. Может быть, речь шла о конвойной службе, которую с честью несли мои матросы. Кстати, у них это получилось ничуть не хуже, чем у этих расфуфыренных дворцовых arrogant¹⁶.

– Однако мы совсем перестали его понимать. Если разговаривать с закрытыми глазами, я бы был уверен, что говорю с абсолютно чужим человеком. Ты сказал, что он изменился после того, как во время болезни... – тут Николай Михайлович показал глазами вверх и пристально уставился на брата.

– Может быть, – пожал плечами Александр Михайлович. – Мы же во время магических сеансов¹⁷ вызываем духов умерших, почему же ещё живой душе не совершить путешествие туда, где её вразумят предки?

¹⁵ Великий князь Николай Михайлович – историк с мировым именем, по учебникам которого о Наполеоне до сих пор учатся во Франции. Выявил и описал причастность Александра I к убийству своего отца – Павла, за что попал в немилость Николая II.

¹⁶ Спесивцев (*фр.*).

¹⁷ Спиритизм был повальным великосветским увлечением как в XIX, так и в начале XX века. Сдвиг умов на базе сто-
ловверчения был настолько серьёзным, что Академии наук даже пришлось делать специальное заявление о сомнительности

– В данном случае я бы больше говорил не о вразумлении, а о замене, – хмыкнул генерал. – Когда я стою перед ним, у меня создаётся впечатление, что со мной говорит не Николай Александрович, а Пётр Алексеевич...

Братья переглянулись и синхронно перекрестились. В кабинете повисла тишина.

– Знаешь, – тряхнув головой, нарушил паузу Сандро, – даже если оно и так, меня это нисколько не пугает. Сегодняшний Никки мне нравится определённо больше. Так что, пожалуй, я пойду поставлю свечку, чтобы таким он оставался и далее...

* * *

– И всё-таки, ваше императорское величество, – Ратиев упрямо наклонил голову, – я пока не совсем понимаю круг моих задач и обязанностей. К тому же я – строевой офицер и канцелярской работе не обучен, впрочем, как и дворцовому этикету.

– Уважаемый Иван Дмитриевич, – поморщился император, – давайте будем скромней и дадим возможность потомкам определять «величество» или «ничтожество». Повторно предлагаю обращаться друг к другу без громких титулов. А круг ваших обязанностей я и сам сейчас точно определить не смогу. Скажите, каков был круг обязанностей светлейшего князя Меншикова?.. Что же касается бумаготворчества, боюсь, что живём мы в очень беспокойное время. Как бы не пришлось вам пускать в ход саблю чаще, чем перо...

– Вам что-то или кто-то угрожает? – встрепнулся Ратиев.

– Вместо скучного прямого ответа на этот вопрос, – с полуулыбкой ответил император, – предлагаю полистать учебник истории и подсчитать, какому проценту Романовых удалось умереть от старости. Обещаю – сухая статистика вас взбодрит. Больше всего мне угрожает отсутствие людей, не отравленных ядом бюрократизма и не заражённых бациллой дворцового политеса, приторного по форме и фальшивого по содержанию. Кадры решают всё, Иван Дмитриевич. Вы согласны?

Грохот сапог и отрывистые команды в коридоре не дали Ратиеву ответить. После короткого стука в дверь в кабинет просунулась взъерошенная голова адъютанта Николая Михайловича, который, запыхавшись и покрасневшись, с паузами после каждого слова выдавил из себя:

– Ваше императорское величество, прошу вас не покидать помещение, в здании, возможно, находится злоумышленник – погибли два вольноопределяющихся. Его высокопревосходительство повелели удвоить караулы, проверить все помещения и близлежащие постройки...

– Ну вот, Иван Дмитриевич, и ответ на ваш вопрос... – усмехнувшись, сказал император, набивая трубку. – Кстати, я не успел поинтересоваться, а как хорошо вы стреляете? Очень, знаете ли, не лишний навык при дворе...

* * *

Доктор сложил в чемоданчик свои инструменты, вздохнул и, сняв пенсне, начал его протирать так ожесточённо, словно решил добыть огонь.

– То, что это яд – абсолютно точно, но вот от названия одного пока воздержусь. Вероятнее всего, он находился в виде порошка в письме, которое несчастный вскрыл и попытался очистить, приняв за муку или мел. Яд обнаружен на руках, лацканах, обшлагах, на рабочем столе... Коллега потерпевшего, увидев, что товарищ задыхается, очевидно, бросился к нему,

попытался поддержать, помочь, в результате невольно сам прикоснулся к порошку или вдохнул его... Да-с... доза, конечно, была лошадиная – тут роту положить можно...

– Скажите, уважаемый, – перебил доктора император, – а сколько писем ещё осталось не вскрыто и не рассортировано? Не было ли это письмо одним из последних?

– Хороший вопрос, ваше императорское величество. И как любой хороший вопрос, он сразу содержит ответ. Вы как в воду глядели – это письмо действительно было последним, все остальные были уже прочитаны...

– Ну, что ж, всё правильно, всё правильно... – покивал император и остановился перед Сандро. – Александр Михайлович, а как можно увидеть вашего адъютанта?

– Какого адъютанта, Ник... ваше величество? Все мои адъютанты остались вместе с вашими на яхте...

– Я так и думал, – поиграл мундштуком император. – Тогда у меня будет вопрос ко всем присутствующим: кто ещё видел статного, высокого лейтенанта с адъютантским аксельбантом и чрезвычайно выразительными, почти чёрными глазами?

– Я видел, ваше величество, – сделал шаг вперед Ратиев. – Я встретил его у дверей вашего кабинета, когда доставил полового с самоваром. У него в руках был поднос со стаканом, но я сказал, что самовар солиднее. Он согласился... Больше я его не встречал...

– Досмотровая группа, случайно, не обнаружила где-либо морской формы? – задал император следующий вопрос, не отрывая глаз от великих князей, бледнеющих всё больше и больше. И, не дожидаясь ответа, махнул рукой: – Хотя и без этого всё ясно. Вы, Иван Дмитриевич, перехватили террориста, который уже собирался проникнуть в кабинет, воспользовавшись тем, что караул не знает в лицо всех гостей. Какое оружие он попытался бы использовать, сейчас неизвестно, но нужно постараться найти чай, который он нёс. Как минимум – уберёжём чью-то жизнь, если ещё не поздно... Поняв, что проникнуть в помещение или хотя бы передать с чаем отраву не получилось, злоумышленник начал импровизировать. Наткнулся в коридоре на неразобранную корреспонденцию, наспиговал верхний конверт адским порошком и принёс мне от вашего, Александр Михайлович, имени. Его план, несмотря на авантюристность, имел все шансы на успех, но вместе с ним в кабинет зашёл караульный, затащил весь мешок – дескать, превосходительство забыло... а позже я не стал вынимать письма из мешка по одному, а вывалил все в кресло, в результате чего указанный конверт остался в самом низу... Корреспонденцию мне не дал разобрать до конца наш уважаемый Николай Михайлович. Получается, что он спас мне жизнь. Как там на флоте правильно говорят, Александр Михайлович? Флагман выражает удовольствие!

Лица подданных российского самодержца удовольствия не выражали. Палитра чувств отражала середину между ужасом и недоумением. Количество происшествий на единицу времени явно превышало стандартную норму для тихой провинции, коей был в начале XX века Тифлис.

– Надеюсь, мне не надо никому объяснять, – опять взял в свои руки инициативу император, – что всё, произошедшее здесь, ни в коем случае не подлежит огласке?

Тишину после этих слов императора прервал аккуратный стук в дверь. В кабинет проник уже знакомый адъютант великого князя Николая Михайловича и, стараясь не дышать, шепнул несколько слов на ухо своему командиру.

– Ну, что там ещё? – раздражённо бросил император.

Генерал поправил ставший вдруг тесным воротник мундира, кашлянул и произнёс внезапно просевшим голосом:

– Не уберегли... поздно...

– Что не уберегли? Почему поздно?

– Чай в стакане... вестовой... тело только что обнаружили...

* * *

Императорский поезд уходил с вокзала Тифлиса тихо и без лишней помпы, под покровом стремительно спустившейся на город зимней ночи. Ротмистр 44-го Нижегородского драгунского полка, князь Ратиев стоял на подножке персонального вагона и провожал взглядом уходящие в прошлое до боли знакомые очертания родного города. Крутое изменение траектории своей карьеры как человек военный он воспринимал спокойно и с изрядной долей фатализма. На удивление отсутствовала эйфория от неожиданного приближения к государю, хотя здоровый карьеризм князю был абсолютно не чужд. Зато где-то в районе желудка свербил червячок предчувствия грандиозных приключений, которые обещали непременно последовать сразу за новым, таким неожиданным, назначением.

Среди провожающих мелькнуло знакомое лицо... Неужто тот самый «адъютант»? Да нет, показалось. Тот был моряк, а этот в форме мингрельских гренадеров. Всё, перрон закончился, поехали!

* * *

Статный, высокий, с чрезвычайно выразительными, почти чёрными глазами, поручик 16-го гренадерского Мингрельского полка проводил горящим взглядом уходящий поезд, огляделся вокруг, убедился, что на него никто не смотрит, и зло сплюнул.

Затем он быстрым шагом добрался до стоящей плотной стеной привокзальной застройки и нырнул в едва заметный проход между домами, такой узкий, что приходилось идти боком, чтобы не цеплять плечами стены. Полсотни шагов, кособокая деревянная калитка, ещё десять шагов по еле заметной в полутьме дорожке. Ещё одна дверь, на этот раз массивная и основательная. Стукнуть два раза кольцом. Досчитать до трех и стукнуть еще три раза.

Дверь неслышно открылась на хорошо смазанных петлях и тут же захлопнулась, когда поручик вошёл внутрь.

– Ну, как? – коротко спросил хозяин дома. Его лицо было невозможно разглядеть из-за тени от стоящего на дубовом столе огромного саквояжа.

Поручик молча покачал головой, подвинул стул и с размаху упал на него, бросив на стол форменную фуражку и расстегнув китель.

– Виктор, вы понимаете, в какое положение вы нас ставите? – проскрипел хозяин дома, ещё глубже проваливаясь в кресло. – Что мне теперь писать в отчёте? Мы не готовили никакого запасного варианта, всецело полагаясь на вас! И вы нас уверяли, что у вас всё продумано!

Поручик пожал плечами и подвинул к себе стоящий на столе кувшин.

– Непредвиденное стечение обстоятельств, несчастный случай, – лениво через губу переплюнул он, наливая до верха приличного размера стакан. – Кстати, насчёт «писать» – можете присовокупить к своему отчёту вот это, – он достал из-за обшлага и бросил на стол несколько сложенных вместе листков. – Это копии утренней почты, отправленной ротмистром. За сохранность самих писем не переживайте. Мой человек на почте – опытный, знает, что и как делать...

Обладатель скрипучего голоса зашелестел бумагой, кряхтя и время от времени поднося ее ближе к чадающей свече.

– Но это же скандал! – медленно проговорил он, не отрывая глаз от писем.

– Ну что вы, милейший, – презрительно усмехнулся поручик. – Какой же это скандал? Это пока только увертюра к скандалу, который обязательно разразится, если сидеть сложа руки.

– Ну, это я могу вам обещать со всей решительностью, – передразнил тон поручика хозяин дома. – Сидеть сложа руки мы точно не собираемся. А вам, Виктор, придётся схорониться.

– Надолго? – поинтересовался поручик, опять потянувшись за кувшином.

– Боюсь, что навсегда, – уже без всякой иронии ответил хозяин дома и чуть сдвинул саквояж, после чего еле слышно тренькнула тетива, встроенный в сумку арбалет выплюнул железный болт, легко разорвавший обшивку и с хрустом впечатавшийся прямо в рот поручика, превратив в крошево зубы и пробив свод гортани.

Хозяин дома посидел ещё несколько минут в кресле, слушая, как постепенно затихает агония. Неторопливо встал, брезгливо перевернул ногой тело, аккуратно подобрал арбалетный болт, опрокинул свечку в разлитую по деревянному столу чачу, подождал, пока огонь займётся и начнёт нежно потрескивать. Пробормотал, выходя на улицу и кинув последний взгляд на распростёртый на полу труп: «Все мы, конечно, твари божьи. Но некоторые – совсем уж твари...»

Декабрь 1900-го.

Баку. Красин

Леонид Борисович Красин, талантливый инженер-электрик, руководитель строительства электростанции на Баиловом мысу, успешно сочетающий официальную службу с нелегальной революционной работой, зябко передёрнул плечами и в очередной раз надолго задумался. Что-то его неуловимо смущало в этом госте, хотя все конспиративные формальности были скрупулёзно соблюдены и все меры предосторожности активированы.

Никитич – это была не единственная партийная кличка Красина – только что объединил разрозненные социал-демократические группы Баку в единую организацию, наладил постоянную связь между ними, достал и доставил в город оборудование для типографии и теперь нетерпеливо ждал начала серьёзной работы – распространения первой революционной газеты «Искра», гранки которой должны были прийти из-за границы от Ленина.

Днями инженер Красин управлял строительством электростанции, а по ночам там же происходили встречи с подпольщиками. Пользуясь своим служебным положением, он добывал паспорта, столь необходимые для революционеров. На складах стройки в тайниках уже хранились кое-какая нелегальная литература и совсем уж законспирированные оружие и взрывчатка.

Действовал Леонид Борисович крайне осторожно. Даже тень подозрения не пала на него ни разу с того дня, когда он приехал в Баку по приглашению своего старого друга, энергетика с мировым именем Роберта Эдуардовича Классона. И гость, прибывший сегодня на стройку Биби-Эйбатской электростанции с соблюдением всех конспиративных правил, не должен был вызывать никаких подозрений и не провоцировать беспокойства. Но это произошло.

Слушая новости про условия, в которых сейчас живут и работают политические эмигранты, про их междусобойчики и бытовые казусы с такими подробностями и деталями, о которых могли знать очень немногие, и отдавая дань поразительной осведомлённости, Красин смотрел на гостя своими пронзительными глазами строго и непроницаемо, из-за чего был похож на сфинкса. Леонид Борисович привык, что его непоколебимо прямой взгляд, чувственно раздувающиеся ноздри, решительная жёсткая складка губ, тронутая ироничной улыбкой, действуют на собеседников как удав на кролика, заставляют сбиваться, смущаться и менять тему разговора. Всегда, но только не в этот раз. Гость будто не замечал гипнотической мимики руководителя бакинского подполья, рассказывая про очередную свару Ленина с Плехановым, про хозяйку немку, у которой Ильич вынужден столоваться, экономя пфенниги, про мучительное рождение первого номера «Искры»...

– «Старик» подписывает свои записки как Тулин?¹⁸ – вроде как рассеянно переспросил Красин.

– Вы отстали от жизни, – ещё шире расплылся в улыбке гость, – сейчас он подписывается как Петров, иногда даже с двумя «ff» на конце... Но, думаю, в следующем году он придумает что-то пооригинальнее.

– Ваша осведомлённость вызывает восхищение, – кончиками губ улыбнулся Красин, не спуская с гостя пронзительного взгляда.

– Отнюдь, уважаемый Леонид Борисович, – картинно развёл руками гость, – отнюдь. Например, я так и не смог узнать в Тифлисе, кто готовил покушение на царя и из-за чего оно сорвалось. Не поделитесь информацией?

Красин также развёл руками, явно передразнивая гостя.

– Увы, товарищ. Вы первый, от кого мы услышали эту новость, и сами весьма заинтересованы в дополнительной информации. Врагов у нашего монарха, конечно, хватает, но чтобы в такой глуши... весьма диковинно...

– Да? Жаль, очень жаль... Ну, тогда предлагаю договориться. Первый, кто узнает что-то новое, сразу даёт знать другому. Я ваш адрес знаю. Мне можете писать – Herrn Georg Rittmeyer, Кайзерштрассе, 53, Мюнхен, для Мейера¹⁹. Да-да, не удивляйтесь, у нас со «Стариком» адреса совпадают, так что смело можете ставить в адресаты и его – поверьте, он будет крайне заинтересован...

Дверь неслышно открылась, и в помещение аппаратной, служащее также гостиной, проскользнул ещё один подпольщик – Авель Енукидзе, командированный Красиным следить, не притащил ли гость за собой «хвост». Авель отрицательно покачал головой и тихо присел в углу, старательно демонстрируя полное отсутствие интереса к происходящему, а Леонид Борисович обратил внимание, с каким интересом посмотрел на Авеля гость... Так смотрят на давно и хорошо знакомого человека... И эта полуулыбка и чуть заметное движение глаз, в которых вспыхнул и сразу же погас дьявольский огонёк... Очень любопытно...

– В любом случае, – уже вслух произнёс Красин, – оборудование для...

– Для Нины, – перебил его гость, – всё оборудование, предназначенное для подпольной печати, предлагаю называть «Нина» – так будет проще. «Заказ для Нины», «Работа Нины», «Нине требуется обновка».

– Хорошо, – согласился Красин, – пусть будет Нина... Итак, всё оборудование смонтировано, проверено и готово к работе.

– Прекрасно, – обрадовался гость. – Старик будет доволен. Думаю, – он перешёл на полупшёпот, – уже в следующем году вы будете кооптированы в ЦК, так что готовьтесь для более масштабных дел...

Красин в очередной раз удивлённо вскинул брови – такой информацией точно могли владеть только три человека, и всех он знал лично. Но поскольку правила конспирации не предполагали праздного любопытства, назревший вопрос так и застрял на устах, не вырвавшись наружу.

– Где остановились?

– Пока нигде. А что посоветуете? Хотя нет, давайте я лучше не буду вас обременять. Найду сам. Люблю, знаете ли, нестандартные решения. И не ищите меня. Я сам вас найду. Если к вам придёт человек и попросит передать записку или посылку «Нине от Кобы», то знайте – это от меня.

– И кто такой Коба?

¹⁸ «Тулин», «Старик» – реальные псевдонимы Ленина; впрочем, Ленин – это тоже псевдоним.

¹⁹ Реальный адрес для корреспонденции, указываемый Лениным в 1900 году (том 46 ПСС).

– Простой крестьянин... охотник. Герой повести Александра Казбеги. Не читали? Рекомендую! – и, закрыв глаза, гость нараспев продекламировал: – «Коба слыл хорошим охотником, и немало оленей пало от его мажары, но не было случая, чтобы он не жалел убитого зверя или убил бы его просто ради скуки. И теперь он угрюмо чистил свое ружьё, в то время как его товарищ, весело напевая, свеживал оленя. Бывало и так, что Коба целыми часами сидел с нацеленным ружьём и, забывшись, любовался резвящимся перед ним зверем».

– Странный охотник...

– Да, странный... но один из немногих, кто хотя бы старается быть объективным и справедливым... Проводите?

Красин повёл бровью:

– Ладо!

Грузин с совсем не грузинской окладистой бородой вскочил на ноги и жестом указал гостю путь на выход, располагавшийся совсем не там, где вход. Как только они оба покинули помещение станции, Красин подозвал Авеля:

– Проследишь. Обратишь внимание на багаж. Узнаешь, где остановился, организуешь постоянное наблюдение. Записывать всех, с кем перемолвился хотя бы парой слов... Отчёт мне ежедневно. Выполнять!

– Да тут у вас ноги можно переломать, – чертыхнулся гость, перебираясь через залежи строительных материалов.

«Ладо», или как было написано в его паспорте – Владимир Захарьевич Кецховели, не отвечал, напряжённо думая, как ему правильно вести себя с этим загадочным посетителем. Он заметил настороженность Никитича и, полностью доверяя своему шефу, тоже сделал охотничью стойку на незваного гостя.

– В центре обеспокоены неудачным покушением на царя? – с деланным равнодушием спросил он.

Гость остановился, обернулся, внимательно посмотрел на провожатого, улыбнулся, причём совсем не так, как улыбался только что на станции, и вдруг на чистом грузинском ответил:

– Обеспокоен я, батано Ладо, и этого вполне достаточно... И не только этим. Поэтому дам тебе всего один маленький, но очень полезный совет, который поможет сохранить тебе жизнь. Как только в Баку появится английский предприниматель Джон Лесли Уркарт и Никитич встретится с ним – беги, генацвале. Беги подальше от Баку, а если сможешь, то и вообще от Кавказа... Хотя... как минимум месяц у тебя есть, так что пока можно не торопиться... Всё, дальше провожать меня не надо. Тем более что мне дополнительно выделили такой почётный конвой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.